

РЕЙЧЕЛ КЕЙН
ЧЕРНИЛА И
КОСТЬ

НА ЧТО ТЫ ГОТОВ
РАДИ ЗНАНИЙ ВСЕГО МИРА?

Рейчел Кейн
Чернила и кость
Серия «Young Adult.
Великая библиотека»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67281296

Чернила и кость: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-166583-8

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES.

«Чернила и кость» – первая книга популярной на весь мир фэнтези-серии «Великая библиотека» Рейчел Кейн. Представьте альтернативный мир будущего, в котором Александрийская библиотека не была уничтожена.

Она управляет крупными городами по всему миру и контролирует доступ к знаниям. Закон запрещает хранить книги дома и карает нарушителей. Таков мир в 2025 году. Мир, в котором живет шестнадцатилетний Джесс Брайтвел.

Его семья занимается на черном рынке торговлей редкими печатными экземплярами. Это опасное занятие унесло не одну жизнь. Однажды Джесс получает от отца еще более рискованное задание. Он должен отправиться в Александрию и поступить на обучение в Библиотеку.

Чтобы получить доступ ко всем книгам мира, Джесс готов рискнуть. Ему придется столкнуться с теми, кто верит, что знания важнее любой человеческой жизни.

«Мрачная, захватывающая и щекочущая нервы история... Обязательно к прочтению!» – Тамора Пирс, автор бестселлеров
The New York Times

«Захватывающее приключение... в котором сочетаются радости и горести "Голодных игр", а также психологические элементы из "Гарри Поттера"». – Booklist

«Современный шедевр... Друзья-библиофилы, готовьтесь к шоку... Вы испытаете благоговение и оцепенение и будете поражены, точно громом... Новая серия, которая взбудоражит сердце каждого книжного червя!» – The Christian Science Monitor

Содержание

Благодарности	6
Записки	7
Пролог	9
Записки	37
Глава первая	39
Записки	84
Глава вторая	87
Записки	129
Глава третья	131
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Рейчел Кейн

Чернила и кость

*Посвящается Кэрри Райан и Ками Гарсия.
Эта книга для вас, друзья мои.*

Rachel Caine

INK AND BONE

INK AND BONE © 2015 by Rachel Caine LLC

© Д. Кандалинцева, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Благодарности

Хочу поблагодарить моих самых первых читателей, особенно Кэрри и Сару, которые заставили меня исследовать каждый уголок мира Джесса.

Также благодарю своих читателей, которые терпеливо ждали, пока я соберу все идеи в одну большую и превращу ее в слова.

И самое главное, спасибо всем, кто каждый день работает над тем, чтобы эти слова оказались в руках тех, кто жаждет их прочесть: библиотекарей, учителей, продавцов книг и писателей.

Вы не просто делаете этот мир лучше.

Вы создаете этот мир.

Записки

Текст исторического письма, оригинал которого хранится под стеклом в Великой библиотеке Александрии и входит в ее основную коллекцию.

От писца фараона Птолемея II его превосходнейшему слуге Каллимаху, архивариусу Великой библиотеки, на третий год его славного правления:

Великий царь Птолемей, Свет Египта, принял во внимание ваш совет сделать копии наиболее важных произведений библиотеки, которые будут размещены в дочерних библиотеках, в дальнейшем именуемых серапеумами, для доступа каждому и просвещения всех людей. Фараон, который в своей божественной мудрости широк и всеобъемлющ, как река Нил, соглашается с вашим разумным предложением.

По этой же причине вам надлежит изучить содержимое Великой библиотеки и составить перечень всех произведений, в ней хранящихся. Он впоследствии будет служить отчетом об этом великом хранилище знаний о мире.

Затем вам надлежит проконсультироваться с редактором библиотеки, чтобы сделать точные копии работ, подходящих для использования в серапеумах, не забывая о необходимости предоставлять для общего пользования те про-

изведения, которые облагораживают и просвещают людей.

Таким образом мы будем и дальше хранить знания, которые мы собрали и которым доверяем с древних времен, чтобы они дошли до будущих поколений.

Фараон также слышал ваши слова о допуске женщин без сопровождения в священное пространство серапеумов, и его божественная мудрость отвергает это предложение, поскольку более развитые умы мужчин должны наставлять женщин, чтобы те не толковали богатства, что предлагает библиотека, ошибочно. Ибо извращение знания хуже, чем его недостаток.

Фараон и боги даруют вечную милость и защиту вашей великой работе.

Дополнение, сделанное рукой Каллимаха.

Его божественная мудрость может поцеловать мою заурядную задницу. Мы ослепляем и уродуем половину мира таким невежеством, и я этого не допущу. Женщины должны иметь право учиться в серапеуме, если им хочется. Пусть казнит меня, если пожелает, но я посмотрелся в этом мире на таланты, растраченные впустую. У меня есть дочь.

И моя дочь будет учиться.

Пролог

Шесть лет назад

– Стой смирно, не сопротивляйся, – сказал отец Джессу и дал ему оплеуху настолько сильную, что на щеке остался красный след. Джесс тут же замер. Он не хотел ерзать, но сумка, привязанная ремнями к его голой груди, была горячей и казалась опасной, будто дикое животное, которое может в любой момент вонзить в него клыки.

Джесс поднял глаза на отца, который затягивал потуже ремни на груди сына. Когда ремни сдавили Джесса настолько, что он почти задышался, отец бросил ему старую грязную майку.

Джесс делал это не в первый раз, так что хотя все казалось ему до сих пор пугающим, но уже не странным... И у него было предчувствие, что сегодняшняя забег будет иным. Почему? Джесс пока не мог ответить на этот вопрос. И отец сегодня и выглядел напряженнее, чем обычно.

Поэтому Джесс неуверенно спросил:

– Па, мне следует что-то знать?

– Не имеет никакого чертова значения, что ты знаешь. Потеряешь эту книгу – и, если она окажется в руках полиции, тебя повесят. Если повезет. Если я до тебя не доберусь первым. Дорогу ты знаешь. Беги быстро и ловко, и лучше тебе

помереть, чем отдать книгу кому-либо другому, а не тому, кто за нее заплатил.

Каллум Брайтвелл окинул своего худощавого сына придирчивым взглядом, затем вытащил из сундука рубаху и натянул ее на Джесса поверх майки. На рубахе была всего одна пуговица. Джесс ее застегнул. Рубаха была ему великовата и болталась на груди, но в этом и был смысл: так не видно ремни и пряжки.

Каллум Брайтвелл кивнул и сделал шаг назад. Он был низкорослым из-за плохого питания в юности, однако на нем был изысканный костюм – ярко-желтый шелковый жилет и новенькие хлопковые брюки.

– Сойдешь за местного, – сказал он Джессу. – И не забывай держаться поближе к гонцам. Не уходи от них далеко на одиночку, если только полиция не устроит засаду. Но даже в таком случае придержишься оговоренного маршрута.

Джесс кивнул, давая отцу понять, что все понял. Он хорошо знал дорогу. На самом-то деле он знал все дороги и все до единого маршруты, по которым перемещалась его семья, чтобы обогнать своих соперников в огромном городе Лондон. Джесс тренировался с тех пор, как научился ходить, держась рукой за своего отца, а потом бегая за своим старшим братом Лиамом.

Только теперь Лиам мертв. Ему было семнадцать, когда его поймала лондонская полиция и арестовала за то, что он доставлял книги. Семья не пришла, чтобы подтвердить его

личность. Лиам следовал семейному кодексу до конца. Он ничего не рассказал полиции.

И в качестве награды за его верность Лондон бросил его в безымянную яму вместе с остальными неопознанными преступниками. Лиаму было семнадцать, а Джессу теперь десять, и он понятия не имеет, как ему стать такой же легендой, как его брат.

– Пап... – Разумеется, он рисковал получить новую оплечу или еще что похуже, однако он сделал глубокий вдох и сказал: – Сегодня не лучший день для доставки посылок, ты сам так говорил. Полиция все патрулирует. Почему мы не можем подождать?

Каллум Брайтвелл уставился в пространство над головой своего сына, на стену склада. Этот склад был одним из тех тайных мест, где отец хранил редкие ценности, и, конечно же, самые серьезные из них – книги. Настоящие, оригинальные произведения, полки и стеллажи, заполненные старыми фолиантами со всех сторон. Каллум был богатым и умным человеком, а в этот самый момент, под ярким светом, люющим из высокого узкого окна наверху, он выглядел вдвое старше своих лет.

– Просто сделай что тебе велено. Я жду, что ты вернешься через два часа. Не опаздывай, иначе я достану палку. – Отец внезапно нахмурился, помрачнев. – И, если увидишь своего безответственного брата, передай ему, что я все еще жду его и что он за все ответит. Он сегодня должен быть среди

ГОНЦОВ.

Несмотря на то что Джесс и Брендан родились близнецами, схожими как две капли воды, характером они не могли бы быть более разными. Джесс был смелым, а Брендан очень стеснительным. Брендан держал эмоции в себе, Джесс же часто выходил из себя и был склонен решать проблемы силой.

Джесс был гонцом. А Брендан... интриганом.

И Джесс точно знал, где его брат сейчас. Он увидел Брендана, прячущегося на втором ярусе подмостков, примыкавших к старой лестнице, что вела на крышу. Брендан наблюдал за городом, что было его давней привычкой. Ему нравилось забираться высоко, подальше от папы, который предпочитал учить своих сыновей с применением силы. А также Брендан любил увиливать от работы доставщика всякий раз, когда это было возможно.

– Если увижу, то передам, – сказал Джесс и уставился прямо на своего брата за окном. «Спускайся, гаденыш мелкий», – мысленно приказал он. В ответ Брендан лишь юркнул наверх и исчез во тьме лестницы. Брат уже уяснил, что книгу сегодня будет доставлять Джесс. И, зная Брендана, Джесс понимал, что его брат решил, что его собственная шкура куда важнее, чем возможность помочь Джессу и взять на себя роль подсадной утки.

– Ну? – сурово поинтересовался отец. – Чего ты ждешь? Что мамочка придет поцеловать тебя на удачу в лобик? За дело!

Он толкнул Джесса в сторону массивной двери склада, которую открыли трое молчаливых мужчин. Джесс не был с ними знаком, и он даже не спрашивал их имена, потому что люди часто умирали, исполняя подобную работу. Джесс замер и резко втянул в себя воздух. Мысленно приготовился. Снаружи он заметил несколько гонцов в аллее и на улице, что вилась дальше. Увидел своих ровесников и даже детей помладше, которые тоже были готовы бежать.

Все ждали только его.

Джесс издал громкий вопль, точно боевой клич, и бросился вперед. Остальные гонцы подхватили его возглас, пугая прохожих в будничной одежде, и ноги доставщиков замелькали вокруг. Несколько ребят метнулись на улицу, что было опасно. Они бежали, огибая кареты и игнорируя гневные крики водителей, раздающиеся им вслед. Затем все гонцы вновь собрались в одну большую группу из двенадцати человек на углу улицы, и Джесс столкнулся с ними в первый раз за этот путь. Находиться в толпе было безопаснее, учитывая, что дальше улицы выглядели чище, а прохожие были куда лучше одеты. Четыре длинных квартала жилых домов и помещений дельцов тянулись впереди. Справа красовалась таверна, которая была многолюдна даже в столь ранний час. Дорога казалась безопасной до момента, пока из овощной лавки не выскочил сердитый мужчина и не схватил одну из девочек из их числа за волосы и не поволок ее за собой. Она сама виновата. Большинство девчонок собирали свои воло-

сы в пучок на затылке или же очень коротко стриглись.

Джессу пришлось заставить себя продолжить путь и подавить в себе желание остановиться, чтобы помочь ей.

Девочка кричала и пыталась сопротивляться, однако огромный мужчина толкнул ее на тротуар и не отпускал.

– Проклятые гонцы! – заорал он. – Полиция! Полиция! Они опять бегают!

Итак, началось. «Вечно какой-нибудь ловкач, считающий своим долгом навести порядок, встречается не в свое дело», – говорил обычно в такие моменты отец Джесса. Именно поэтому он и отправлял гонцов большими группами, почти все среди которых несли какой-нибудь ничего не стоящий мусор в качестве наживки. Полицейские редко уделяли этому внимание, однако если уж начинали разбираться, то готовы были заплатить немалые деньги тем, кто обещал навести их на след контрабандистов.

Горожан возможность легкого заработка всегда завлекала, поэтому все прохожие тут же повернули головы на шум. Джесс же опустил голову, чтобы не привлекать внимания, и продолжил бежать.

Гонцы разбежались в разные стороны, словно перепуганные птицы, а затем снова собрались. У некоторых при себе были ножи, и они ими пользовались, если их ловили. Это было опасно, очень опасно, ведь, если ребенка поймают с окровавленным ножом в руках, его ждет виселица, не важно, насколько легко окажется ранен его оппонент. Мальчиш-

ка слева от Джесса (он уже слишком вытянулся, чтобы долго продолжать работу гонцом, хотя и был, казалось, младше Джесса) очутился нос к носу с целой толпой пьянчуг, шагающих на него угрожающей стеной. У мальчишки в руках мелькнул нож, и он резво рассек лезвием воздух. Джесс успел лишь увидеть алую полоску брызнувшей крови и больше не оборачивался.

Он не мог тратить время на то, чтобы глазеть по сторонам. Ему самому нужно было выжить.

Скоро дорога разделилась на две, ведущие в разные стороны, и ребята разбежались, чтобы запутать полицию... По крайней мере, на то был расчет.

Однако на деле, когда Джесс подскочил к развилке, у него на пути вырос отряд полицейских. Они заметили его и тут же закричали.

Джесс мгновенно принял решение, неожиданное решение, за которое, он знал, папа его потом побьет: он свернул с оговоренного пути.

Джесс резко повернул направо и в следующий миг чуть не врезался в двух других гонцов: те уставились на него испуганно, как и он на них, а одна девчонка крикнула Джессу убираться с дороги. Джесс проигнорировал ее слова и нарастающую в груди боль от впившейся в грудь книги, и заставил себя бежать быстрее, чтобы всех обогнать.

Позади Джесса раздался вопль, и, обернувшись, он увидел толпу полицейских, выскакивающих из переулка. С красны-

ми от гнева рожами, в таких же красных, жутких плащах. Они быстро поймали всех.

Всех, но не Джесса. Его пока не догнали.

Он юркнул в темный извивающийся переулок, слишком узкий, чтобы даже назвать его таковым. Джесс не отличался широкими плечами, но даже он едва там пробирался, задевая кирпичные стены с обеих сторон. Ржавый гвоздь зацепился за его рубашку и оторвал рукав. Сердце пропустило удар, когда на миг Джесс испугался, что ремни, удерживающие на его груди книгу, окажутся видны, однако он не остановился, чтобы проверить. Он и так не мог теперь двигаться быстро: его окутывала крошечная тьма, а обоняние подсказывало, что сюда любили выбрасывать протухшую рыбу. Кирпичные стены были липкими и холодными на ощупь.

Джесс до сих пор слышал полицейских, их крики и возгласы позади, однако все они оказались слишком крупными и пузатыми, чтобы протиснуться в этот проход за ним. На миг, когда Джесс увидел, что стены сужаются впереди, пропуская лишь узкую полоску света, он засомневался, что сможет дойти до конца. Тоннель становился все уже, и в конце концов Джессу пришлось повернуться и шагать боком, его спина терлась о грубую кирпичную кладку, которая продолжала рвать его рубашку, превращая ткань в лохмотья. Книга давила на грудь, точно пробка в бутылке, мешая дышать, и паника подступала к горлу.

«Думай. Ты сможешь отсюда выбраться».

Джесс сделал глубокий выдох и втянул грудь, как только мог, что подарило ему еще пару сантиметров, необходимых для того, чтобы выбраться.

Шагнув из тоннеля на тротуар, он обнаружил, что стоит между двумя роскошными домами на широкой чистой улице, которую он должен был узнать, однако что-то все же казалось Джессу странным, незнакомым... А потом его осенило.

Джесс оказался всего в трех кварталах от родительского дома, его мать и отец приложили немало усилий, чтобы привести этот дом в надлежащий вид. Если Джесса поймают здесь, кто-нибудь наверняка его узнает, и тогда все обернется куда плачевнее и последствия затронут не только его. Вся его семья пострадает. Ему нужно убираться подальше отсюда. Немедленно.

Метнувшись вперед, Джесс проскользнул точно под колесами проезжающей мимо паровой кареты и устремился напрямиком во тьму другого переулка. Он вел в нужном направлении, однако шел не прямо. Джесс плохо знал дороги вокруг своего дома, он тратил усилия и время на то, чтобы изучить маршруты гонцов. Именно поэтому отец всегда настаивал на том, чтобы Джесс не сворачивал с оговоренного пути: в хитросплетениях улиц Лондона потеряться было проще простого, а потеряться, таща при себе нелегальный фолиант, равнялось самоубийству.

На следующей улице Джесс увидел впереди знакомый ориентир – сияющий купол серапеума Святого Павла, ко-

торый служил символом Великой библиотеки в Лондоне, а также являлся одной из самых крупных дочерних библиотек во всей Европе. Серапеум выглядел одновременно завораживающе и пугающе, и Джесс отвел глаза, мысленно поклявшись, что никогда и ни за что не ступит туда.

Однако сейчас у него не было выбора.

На пороге серапеума появился полицейский, вперил грозный взгляд в Джесса и закричал, тыча в него пальцем. Полицейский выглядел молодо, вероятно, был того же возраста, что и Лиам был бы сейчас, если бы не оказался на виселице. У молодого человека были светлые волосы и маленький подбородок, поношенная униформа висела на его плечах так же уныло, как не по размеру большая рубаша на Джессе.

Однако Джесс был проворным. Слишком проворным для полицейского. Джесс помчался прочь, слыша прямо за собой стук ботинок полицейского и звук его сигнального свистка. Теперь полицейские преследовали Джесса уже со всех сторон. И они скоро загонят его в тупик...

Джесс выбрал единственную дорогу, которая могла помочь ему избавиться от погони. Очередную темную тесную улочку, однако тот самый полицейский оказался не таким крупным и поспешил следом, втиснувшись почти так же легко между зданиями, как Джесс. Джесс продолжал бежать, несмотря на то что его уставшие легкие горели, а его грудь сводило от ремней. Длинноногий полицейский настиг Джесса в тот самый момент, когда они добрались до другой

стороны улочки, выходящей на широкий проспект. Бледный лондонский солнечный свет, казалось, ударил Джесса по голове, и пот покатился по его спине. Он испугался от мысли, что пот может испортить книгу.

Однако мысль, что его могут вот-вот поймать, пугала еще сильнее.

И опять послышался звук свистка. Полицейские приближались.

У Джесса не оставалось иного выбора. Они загоняли его в ловушку – к серапеуму. Если ему удастся избавиться от погони и добраться до библиотеки, то у него еще есть шанс. На территории серапеума действовали другие законы, и лондонская полиция не имела права схватить его там без разрешения начальства.

Впереди виднелось деревянное полицейское ограждение, выкрашенное в черно-оранжевый цвет, и очередь из посетителей, приготовивших документы для показа. Джесс собрал все оставшиеся силы в кулак, потому что проклятый длинноногий полицейский по-прежнему дышал ему в затылок и уже почти что дотянулся пальцами до его рубахи. Джесс бросился вперед, целясь юркнуть в прореху в толпе, и ускорил шаг. Когда полицейский позади него закричал, зовя на помощь коллег, Джесс схватился за деревянную перекладину, выкрашенную в цвета полос тигриной шкуры, и перепрыгнул через нее одним легким движением, и, как только его ноги коснулись земли, бросился бежать дальше. Вокруг Джесса эхом

разносились испуганные и удивленные возгласы, но он лишь продолжил бежать, не обращая ни на кого внимания. Кто-то, однако, даже засмеялся и заулюлюкал ему вслед, подбадривая. Джесс самодовольно усмехнулся и осмелился бросить быстрый взгляд назад.

Полицейский остановился у ограждения – или же стражник остановил его, встав у него на пути и преградив ему дорогу. Между ними завязалась перебранка, и юный полицейский что-то рассерженно крикнул. Видимо, в его голове пульсировала кровь после погони, иначе бы он сообразил, что не следует ссориться со стражниками серапеума. Джесс понимал, что все равно у него мало времени, скоро полицейский отправит весточку своему начальству, и уже элитные стражники библиотеки начнут на него охоту. Джессу нужно скрыться и поскорее.

По улице впереди шагали не меньше пятидесяти человек, включая не меньше десятка местных ученых профессоров в развевающихся на ветру черных мантиях. Никаких паровых карет – им здесь ездить не разрешалось с тех пор, как территорию библиотеки закрыли для транспорта. Золотой купол зловеще возвышался и сиял над головой Джесса, а ниже слышался топот бесчисленных ног.

На ступенях лестницы зияли выбоины, несмотря на попытки их скрыть, они остались после последнего взрыва, устроенного поджигателями. Следы от греческого огня¹ и

¹ *Греческий огонь* – горючая смесь, применявшаяся еще в Средневековье во

тел сгоревших в тот день. Там, где это произошло, лежала груда засыхающих цветов, а смотритель старательно сгребал их в мусорный мешок. Траур подошел к концу. Пришло время жить дальше.

Джесс замедлил шаг до прогулочного, когда заметил львов. Они походили на каменных, однако выглядели до ужаса правдоподобными – дикие звери, замершие в момент опасной схватки, напоминающей о гневе, крови и смерти, готовые растерзать в клочья в любой момент. Джесс слышал об автоматизированных стражах, машинах, которые двигались сами по себе, но вживую они оказались куда более устрашающими, чем он их себе представлял. Особенно сейчас, когда Джесс стоял близко ко львам и мог рассмотреть их во всех деталях.

Рискуя, Джесс опять осмелился обернуться. Лондонская полиция наверняка соберет целый отряд, чтобы встретить его на другой стороне территории библиотеки – если, конечно, стражники серапеума не успеют добраться до Джесса первыми. Ему следовало бы бежать, и бежать быстро, как пуля, но он едва переставлял ноги.

Джесса парализовал страх. Ужас от преследования и мысли о том, что на него объявлена охота.

А потом один из автоматизированных львов повернул к Джессу свою каменную голову. Его глаза вспыхнули красным. Красным, словно кровь. Словно огонь.

Они чувят его, его запрещенную книгу. Или, быть может, просто его страх.

По телу Джесса прокатилась волна ледящего страха, настолько сильного, что он чуть не обмочился, однако ему каким-то чудом удалось вынести этот испепеляющий взгляд, шагая дальше. Он повернул на небольшую улочку слева и решил держаться ближе к середине дороги, где, как ему казалось, пешеходы, которым разрешено было находиться на территории серапеума, выглядели более-менее приветливыми. Джесс мог только надеяться на то, что в толпе ему удастся скрыться от тех кроваво-красных глаз.

Грациозный и смертельно опасный лев поднялся на своих шарнирах, тряхнул головой и направился куда-то, не издавая ни звука. Остальные звери тоже будто бы пробудились, потянувшись, и их глаза засияли красным светом.

Женщина посреди улицы (она только что прошла пункт досмотра) взвизгнула от испуга, прижимая свою сумочку к груди, и бросилась наутек. Несколько человек, поддавшись ее панике, тоже бросились бежать в разные стороны, и Джесс воспользовался моментом, метнувшись следом, надеясь, что они прикроют его, как гонцы, хотя они и понятия не имели, что сейчас становятся частью его противозаконной банды.

Когда Джесс снова осмелился оглянуться, двое автоматизированных львов шли позади него. Они не спешили. Им не нужно было стараться, чтобы нагнать людей.

Первый лев уже добрался до самых медленных из бежав-

ших людей – до женщины-ученого, одетой в неудобную мантию и тащившей тяжелую сумку, которую она по глупости не желала бросить. Страж прыгнул на нее. Джесс замер на миг, потому что это было самое грациозное и самое ужасающее зрелище на его детской памяти. Он видел, как женщина обернулась, как она увидела, что ее поджидает, и паника отразилась на ее лице. А потом ее вопль внезапно и резко стих, когда огромный лев накрыл ее...

...Однако этот лев так и не отвел горящих глаз от Джесса. Он убил ее и тут же забыл о ней, продолжив приближаться к мальчику. Джесс уже мог слышать, как звякают и лязгают механизмы в теле чудовища.

Теперь у Джесса не было времени на страх и панику.

Раньше он думал, что всегда бежит очень быстро, но сейчас – сейчас! – увидев своими глазами, как смерть преследует его по пятам, Джесс помчался со скоростью ветра. Он буквально ощущал, как его тело пронзает воздух. Он знал, что люди вокруг него кричат, зовя на помощь и моля о пощаде, но в то же время ничего не слышал. Далеко на другом конце улицы стояло другое полицейское заграждение, и там другая толпа горожан собралась на пропускном пункте, однако они начали разбегаться. Львы не должны были охотиться на кого-либо за пределами территории серапеума Святого Павла, однако никто не желал проверять это на практике. Даже сами полицейские забыли про свой пост и унеслись прочь вместе с толпой.

Джесс оказался у ограждения первым и перескочил через него в тот самый момент, когда львы поймали и раздавили двух людей у него за спиной. Джесс запнулся и упал, догадываясь – зная, – что в следующую секунду его настигнет смерть. Он перевернулся на спину, чтобы видеть, что его ожидает, затаил дыхание и выставил руки в отчаянной попытке защититься.

Зря. Львы остановились у ограждения. И начали медленно отходить, таращась на Джесса обжигающими гневом красными глазищами. Они не стали – или не могли – перепрыгивать тонкое деревянное ограждение, чтобы наброситься на Джесса.

Один из львов зарычал. Звук походил на камни, трущиеся друг о друга, смешиваясь с воплями умирающих, и Джесс заметил острые клыки в пасти льва... а затем оба зверя развернулись и как ни в чем не бывало отправились обратно на улицу, к своему пьедесталу, где уселись в поджидающей позе.

Джесс видел кровавые следы, которые оставили на дороге их лапы, и изуродованные тела людей вокруг, и он ни за что бы теперь не смог забыть – знал, что никогда не сможет забыть, – взгляд, полный ужаса и отчаяния, на лице той женщины, которую разорвали первой.

«Это моя вина».

Нет, он не мог думать об этом. Только не сейчас.

Джесс перекатился по земле и неуклюже поднялся на но-

ги, юркая в толпу перепуганных людей. Он вернулся на свой маршрут, обогнув несколько длинных неудобных кварталов. Полицейские, похоже, потеряли желание преследовать его теперь. Несчастный случай наверняка как-то логично объяснят в новостях, никто ведь не хочет слышать о том, что автоматизированные зверушки в библиотеке сошли с ума и убили невинных людей. Поговаривали, что подобное случалось и прежде, однако прежде Джесс не верил в это.

Он остановился у фонтана на улице, чтобы выпить воды и попытаться успокоить свои трясущиеся руки и ноги, а затем заскочил в общественный туалет, чтобы удостовериться, что книга в целости и сохранности под ремнями на его груди. Все было в порядке. Джесс теперь зашагал медленнее и прибыл к назначенному месту всего на несколько минут позже оговоренного времени – изнеможенный, однако более-менее успокоившийся. Ему лишь хотелось поскорее закончить с этим делом, вернуться домой, каким бы неприветливым этот дом ни был.

«Приободришься, сын, – он почти что слышал суровый голос отца в своей голове. – Никто не живет вечно. Считай, сегодня тебе повезло».

Может, это и было везение, думал Джесс, однако оно оставило после себя совсем не приятное послевкусие.

Ему было велено найти мужчину в красном жилете, и этот мужчина как раз был здесь, спокойненько сидел за уличным столиком. Он попивал чаек из фарфоровой кружечки. Джесс

не был с ним знаком, однако отлично знал подобного рода людей: нечестных богачей, ленивых, уверенных, что коллекционирование значимых вещей делает их самих значимыми персонами. Каждый предмет одежды этого человека выглядел сшитым на заказ и идеальным.

Джесс знал, как к нему обратиться. Он подбежал к мужчине, изобразив на лице невинность, как только мог, и спросил:

– Сэр, пожалуйста, не могли бы подать мне пару монет для моей больной матушки?

– Больной, а? – Мужчина вскинул свои лоснящиеся брови и отставил чашку. – И чем же болеет эта женщина?

Это был наводящий вопрос, Джесс уставился мужчине прямо в глаза и ответил:

– У нее болит живот. Вот тут. – Он осторожно указал пальцем на свою грудь, точно где ремни топорщились над книгой.

Мужчина кивнул и улыбнулся.

– Что ж, это, пожалуй, того стоит. Пойдем со мной, я тебе помогу. Пошли-пошли, не бойся.

Джесс последовал за мужчиной. За углом их поджидала изящная паровая карета, украшенная орнаментом из золота, серебра и черной эмали, с гербами на ручках двери, которые Джесс не успел хорошенько рассмотреть, потому что мужчина затолкал его внутрь. Джесс ожидал, что покупатель заберется в карету следом за ним, однако этого не произошло.

Внутри кареты висела длинная лампа, отбрасывающая

вниз бледный золотистый свет, и Джесс осознал, что человек, которого он принял за покупателя, был всего-навсего слугой.

Пожилой мужчина, сидящий теперь напротив Джесса, выглядел куда более величественно. Черный отглаженный костюм, под пиджаком рубашка из дорогого шелка, и в целом мужчина выглядел холеным. Джесс заметил блеск золотых запонок на манжетах и огромного бриллианта на булавке, пронзающей шелковый галстук мужчины.

Единственным, что выбивалось из образа этого джентльмена, были его холодные, словно лед, глаза, окруженные мягкими морщинками. Глаза точно как у убийцы.

«А что, если дело тут не в книге?» – подумал Джесс. Он знал, что бывало, что детей похищали ради жутких целей, однако его отец всегда был предусмотрительным и жестоко наказывал тех, кто пытался обмануть гонцов... и это случилось достаточно редко теперь, ведь даже джентльмены понимали, что им не спрятаться от всевидящих карающих Брайтвеллов.

Однако, глядя на этого человека, Джесс не чувствовал себя в безопасности. Он боязливо покосился на широкое окно, но все окна были затемненными. Никто на улице не увидит, что происходит внутри кареты.

– Ты опоздал, – голос у джентльмена оказался мягким и ровным. – Я не привык ждать.

Джесс сглотнул.

– Простите, сэр. Всего на минуту, – осторожно ответил он. Он расстегнул свой жилет, снял рубашку и начал ослаблять ремни, держащие книгу. Как он и боялся, все пропиталось потом, однако книга была хорошо завернута, и многослойная воощеная ткань уберегла ее от повреждений. – С книгой все в порядке.

Мужчина выхватил фолиант из рук Джесса, точно изголодавшийся по табаку, который увидал наконец курительную трубку, и быстро разорвал упаковку. Он медленно выдохнул, когда его дрожащие пальцы прикоснулись к изысканному кожаному переплету.

С изумлением Джесс осознал, что отлично знает, что это за книга. Он не раз видел ее под стеклянным колпаком в самом дальнем и темном тайнике своего отца. Джесс не знал пока греческого, однако был прекрасно осведомлен о том, что означали буквы на кожаной обложке, потому что этому хотя бы отец его научил. Эта книга являлась единственной существующей копией книги «О создании сферы», написанной Архимедом, а также одной из первых книг, когда-либо переплетенных. Оригинальный свиток был уничтожен поджигателями Александрийской библиотеки много лет назад, однако до того люди успели сделать одну копию. Вот эту. За обладание такой книгой грозила смертная казнь. «Когда вы крадете книгу, вы крадете ее у всего мира», – любили повторять библиотечные пропагандисты, и Джессу казалось, что это и правда так.

Особенно в случае с этой книгой.

Джесс бежал через весь город с самой редкой и самой ценной вещью во всем мире. Неудивительно, что отец не осмелился сказать Джессу, что это была за книга.

Мужчина посмотрел на Джесса, в глазах у него плясал лихорадочный огонек.

– Ты даже не представляешь, как долго я ждал этого момента, – сказал он. – Ничто не может сравниться с чувством, которое возникает у тебя, когда в твоих руках оказывается лучшее из лучших, мальчик мой. Ничто.

С ужасом Джесс наблюдал, как мужчина вырывает страницу из книги и засовывает себе в рот.

– Прекратите! – воскликнул Джесс и выхватил книгу из его рук. – Что вы творите?

Пожилой джентльмен оттолкнул Джесса своей покрытой серебром тростью и прижал его к стене кареты. С дьявольской усмешкой он выдрал новую страницу из книги, прожевал и проглотил.

– Нет, – прошептал Джесс. Страх поглотил его, и Джесс даже не мог до конца понять почему. Ему казалось, что он наблюдает за убийством. За осквернением святыни. И все равно происходящее походило на нечто даже худшее. Даже в его семье, занимающейся торговлей на черном рынке, книги считались святыней. Только поджигатели могли думать иначе. Поджигатели и подлое существо, которым, как оказалось, являлся этот пожилой мужчина.

С непринужденным видом мужчина вырвал новую страницу из книги. Теперь он выглядел умиротворенным. Спокойным.

– Ты понимаешь, что я делаю, мальчик мой?

Джесс покачал головой. Все его тело трясло от ужаса.

– Среди моих друзей есть те, кто потратил немало денег на то, чтобы выследить и поймать на охоте последнего представителя редкого вида животных, а затем подать его мясо на ужин своим семьям. Теперь моя очередь. Никому больше не достанется такой шанс.

– Вы сумасшедший, – зашипел Джесс. У него сдавило глотку, ему казалось, его может вот-вот вырвать на роскошные украшения и кожаные сиденья кареты, и все равно он не мог сделать вдох, чтобы успокоиться.

Богатей прожевал и проглотил еще одну страницу, и выражение его лица исказилось от недовольства.

– Придержи язык, пацан. Ты невежа из трущоб, пустое место. Я бы мог убить тебя и бросить твое тело прямо тут, и никто бы даже не заметил и не забеспокоился о тебе. Однако ты недостаточно ценен, чтобы марать о тебя руки. Таких, как ты, кишмя кишит. – Он выдрал еще одну страницу. Когда Джесс снова попытался высвободиться и выхватить книгу, пожилой мужчина отдернул фолиант подальше от рук Джесса и больно ударил его по голове своей тростью.

Джесс отшатнулся, слезы выступили у него на глазах, и в голове зазвенело, точно колокол в серапеуме Святого Павла.

Мужчина постучал по двери кареты. Слуга в красном жилете тут же распахнул дверь и дернул Джесса за руку, выволакивая его на брусчатую дорогу.

Джентльмен выглянул из кареты и ухмыльнулся, продемонстрировав свои перемазанные чернилами зубы. Затем он кинул что-то Джессу, упавшему посреди дороги, – его порванную рубаху и жилет. И одну-единственную золотую монету.

– За твою работу, поганец, – сказал мужчина и смял очередную прекрасную страницу, чтобы разжевать ее.

Джесс понял, что плачет, хотя и не понимал почему, разве что потому, что знал: он никогда больше не сможет жить как прежде, после того как стал свидетелем произошедшего в карете. Никогда не сможет это *забыть*.

Слуга в красном жилете забрался на место водителя. Он посмотрел немигающим, безучастным взглядом на Джесса сверху вниз, а затем завел мотор.

Джесс видел, как пожилой джентльмен внутри кареты кивнул ему, а потом захлопнул дверцу. Карета дернулась с места и начала удаляться.

Джесс подскочил на ноги.

– Подождите! – закричал он, но без толку. Своим воплем он лишь привлек внимание прохожих к тому факту, что был наполовину раздет и что на груди его красовались ремни книжного контрабандиста. Джесса тошнило. Смерти людей, раздавленных лапами львов в библиотеке, его испугали, од-

нако вид того, как намеренно уничтожают книгу – особенно такую ценную книгу, – подействовал на него еще хуже. Святой Павел говорил: «Жизнь коротка, а знания вечны». Джесс и вообразить не мог, что кто-то может оказаться настолько бездушным, чтобы захотеть уничтожить такую ценность, лишь бы заполнить пустоту в душе.

Карета исчезла за поворотом, и Джессу нужно было убраться отсюда тоже – не важно, насколько отвратительно он себя чувствует. Он опять затянул ремни на своей груди, накинул рубашку через голову и натянул жилет, а затем зашагал – бежать больше сил не было – в сторону склада, где его ждал отец. Город у него перед глазами расплылся в пятно из цветов и лиц прохожих.

Он не чувствовал ног, и все его тело почти непрерывно трясло. Так как маршрут Джесс знал настолько хорошо, что мог пройти по нему даже с закрытыми глазами, он шел и сворачивал в нужные стороны, даже не задумываясь и не замечая их, пока не осознал, что стоит прямо перед складом своего отца.

Один из охранников заметил Джесса на пороге, выскочил и поспешно завел внутрь.

– Джесс? Что случилось, мой мальчик?

Джесс моргнул. На лице мужчины отразилась в тот момент искренняя тревога, он совсем не походил на убийцу, каким считал его Джесс. Джесс тряхнул головой и потер рукой лицо. Рука оказалась мокрой.

Мужчина нахмурился, когда Джесс так ничего и не сказал, и кивнул одному из своих приятелей, который тут же бросился искать отца Джесса. Джесс уселся в уголок на полу склада, его по-прежнему трясло, и когда он поднял голову, то увидел перед собой свое зеркальное отражение, тарашащееся в ответ. Почти что зеркальное – так как у Брендана волосы были чуть длиннее, а еще у него на подбородке красовался крошечный шрам.

Брендан присел рядом и посмотрел своему брату в глаза.

– Ты в порядке? – спросил он. Джесс покачал головой. – Тебя же не покалечили, нет? – Когда Джесс не ответил, Брендан наклонился ближе и спросил шепотом: – Ты что, на скрипача наткнулся?

Скрипачами местные называли извращенцев, как мужчин, так и женщин, которые получали удовольствие от утех с детьми. Впервые Джесс вспомнил, что у него есть голос.

– Нет, – сказал Джесс. – Ничего такого. Но еще хуже.

Брендан непонимающе моргнул.

– Что может быть хуже встречи со скрипачом?

Джессу не хотелось рассказывать, да ему и не пришлось. Дверь кабинета на втором этаже распахнулась. Брендан подскочил на ноги и опять исчез – быстро вскарабкавшись по лестнице, он притаился в хранилище, где прятали книги.

Отец подошел к своему старшему сыну, прижавшемуся к стене склада, и спешно осмотрел его на наличие ран. Когда ран он не обнаружил, то стянул с Джесса жилет и руба-

ху. Каллум с облегчением выдохнул, когда увидел, что книги нет.

– Доставил, – сказал он и поощрительно потрепал сына по голове. – Хороший мальчик.

От слов одобрения отца слезы накрыли Джесса новой волной, однако он их проглотил. «Я такой чувствительный», – подумал он, и ему стало стыдно. Ему ведь никто не причинил боли. Никакие скрипачи ему не встретились на пути. Так почему он так погано себя чувствует?

Джесс сделал глубокий вдох и рассказал отцу все. Все о львах и погибших людях, о джентльмене в карете, о смерти книги «О создании сферы». Потому что именно так это выглядело в глазах Джесса – как смерть. Убийство чего-то уникального и незаменимого. Вот, осознал он, почему у него было так погано на сердце: это печаль. Он оплакивал книгу и ужасался при мысли о произошедшем.

Джесс полагал, что его отец (человек, глубоко в душе все-таки любивший книги, которые он покупал и продавал, пусть и незаконно) рассердится или, на худой конец, скажет, что разделяет печаль своего сына. Вместо этого же Каллум Брайтвелл выглядел смирившимся.

– Тебе повезло вернуться живым, Джесс, – сказал отец. – Он, вероятно, опьянен своей властью, раз позволил тебе просто уйти после того, что ты увидел. Мне жаль. Такие, как он, и правда существуют в нашем мире. Мы называем их лизунами чернил. Гнилые люди.

– Но ведь... это же была книга. Книга, написанная самим Архимедом. – Внезапно Джесс со всей ясностью понял, что, когда он наблюдал за уничтожением книги, он видел свет знаний, покидающий мир. – Зачем ты так поступил, папа? Зачем ты продал ему эту книгу?

Каллум отвел глаза. А потом похлопал Джесса по плечу и сжал его так сильно, что чуть не сломал Джессу кости.

– Потому что это наша работа. Мы продаем книги тем, кто платит за привилегию их получить, и тебе лучше бы уяснить, что не наше дело, что случается с этими книгами потом. И все-таки ты молодец. Хорошо поработал сегодня. Из тебя выйдет отличный Брайтвелл.

Отец всегда серьезно относился к личным журналам, требуя, чтобы его дети записывали происшествия дня перед сном. Поэтому и сегодня, перед тем как ложиться в постель, Джесс взял ручку в руки. Немного подумав, он описал лизуна чернил и свои чувства при виде того, как тот сжевал редкую, прекрасную вещь. Папа всегда говорил, что эти записи нужны для будущего, чтобы не забывать родных, когда тех не станет... и он требовал, чтобы в заметках не было и слова о работе, ибо работа не относится к семье. Поэтому Джесс не стал описывать то, как бежал через весь город, доставляя книгу. Он только написал об извращенце и о том, как он чувствовал себя в тот момент, когда увидел съеденные страницы. Скорее всего, папа не будет рад и этим деталям повествования, однако никто не читал личные журналы. Даже брат

не осмелился бы заглянуть в его записи.

Джесс плохо спал той ночью, его сны наводняли кровь, львы и перепачканные чернилами зубы, и он понимал, что ничего из того, что он сделал, нельзя было назвать хорошей работой.

Однако таков был мир, в котором он жил. В Лондоне, в две тысячи двадцать пятом году.

Записки

Изобретение, представленное ученым Иоганном Гутенбергом в 1455 году. По приказу верховного архивариуса, предназначено исключительно для Черных архивов и только для использования хранителями Библиотеки.

Одно можно сказать с уверенностью: само по себе основание Великой библиотеки, начиная с «Доктрины об отзеркаливании», вверяет знания всего человечества в руки скрывателей и полностью полагается на их работу, поэтому данную систему нельзя поддерживать вечно.

Я предлагаю чистейшего вида механическое решение. В прилагаемых чертежах представлено устройство, которое способно эффективно и в точности копировать тексты без необходимости вовлекать в дело скрывателей. Оно работает на основе простых вырезанных руками букв, рамы, на которой они размещаются, чернил и обыкновенной бумаги. С помощью такого метода мы сможем упразднить «Доктрину об отзеркаливании» и создать вместо нее быстрый и легкий способ репродуцировать наши книги.

Я создал готовую к использованию модель и копировал страницу, которую вы держите сейчас. Она первая в своем роде, и я верю, что это изобретение изменит будущее.

*Tota est scientia*².

**Аннотация, написанная рукой
архивариуса.**

К сожалению, господин Гутенберг стал жертвой этой немыслимой ереси. Он не понимает опасности того, что сам предлагает. Без постоянного и тщательного руководства Библиотеки данное устройство позволило бы без всякого контроля распространять не только знания, но и глупость. Представьте себе мир, в котором кто угодно и где угодно смог бы создавать и распространять свои собственные слова, какими бы невежественными или ошибочными они ни были! И мы уже много раз наблюдали опасный прогресс, который едва успевали пресечь, чтобы предотвратить хаос.

Подобное устройство, конечно же, должно быть уничтожено, а все подобные исследования запрещены. К сожалению, становится очевидным, что господину Гутенбергу нельзя доверять. Мы должны заставить его утихомириться и выбросить эту смертельно опасную ересь из головы.

Я понимаю, что Гутенберг станет для нас огромной потерей, однако мы не можем позволить себе дать слабину, если мы хотим, чтобы Библиотека выстояла против этой агрессивной болезни прогресса.

² Знания – наше все (лат.).

Глава первая

Наши дни

знаком того, что тайник Джесса обнаружили, стал жесткий шлепок по голове. Он так увлекся чтением, что даже не услышал, как скрипят доски у него за спиной.

Он первым делом попытался защитить книгу, поэтому оборонительно согнулся над деликатными страницами, не разгибаясь даже, когда спрыгнул со своего кресла и освободил правую руку, чтобы достать нож... но это оказалось лишним.

– Братец, – удивился Джесс. И все же не убрал руку с оружия.

Брендан смеялся, но смех его звучал безрадостно.

– Так и знал, что найду тебя здесь, – сказал он. – Тебе нужно найти новые места, чтобы прятаться, Джесс. Кто знает, как долго еще папа не разнюхает конкретно об этом. Чем ты увлекся на этот раз? – Они повзрослели и теперь уже не выглядели одинаковыми. Прическа Брендана превратилась во всклокоченную копну волос, которая наполовину скрывала шрам, который он получил во время одного из забегов, однако оба брата были одного роста, поэтому их глаза оказались сейчас на одном уровне. Джесс сердито уставился в ответ.

– *Inventio Fortunata*³. Рассказ о монахе из Оксфорда, который побывал в Арктике и вернулся сотни лет назад. И папа не найдет этот тайник, пока ты ему об этом не расскажешь.

– Звучит скучно, – Брендан приподнял одну бровь. Этот трюк выходил только у Брендана, Джессу никогда не удавалось его повторить, так что Брендан постоянно его использовал – просто потому что знал, что это раздражает брата. – Так что убеди меня, что я не должен выдавать твой секрет. – Брендан уже в юном возрасте научился ремеслу заключения беспощадных сделок, как и их отец, и это вовсе не комплимент. Джесс сунул руку в карман и достал маленький подарок, который Брендан забрал с очевидным удовлетворением. – Договорились. – Он натренированным движением повертел монету в руке, как иллюзионист, позволив той прокатиться туда-обратно по костяшкам его пальцев.

– Чтоб тебя, Малявка, я вообще-то *читал*. – Джесс называл своего брата *Малявкой*, только когда очень сильно на него сердился, потому что это звучало жестоко: Брендан был младше всего на несколько секунд, но родился очень маленьким, так что все поначалу опасались за его здоровье. Точно в довесок, в придачу.

Малявка.

Однако если Брендана до сих пор и раздражало это про-

³ «Удачное открытие» (*лат.*) – утерянная книга, предположительно датированная XIV веком, содержащая описание Северного полюса, окруженного гигантским водоворотом и четырьмя континентами.

звище, которое некогда вызывало у него гнев, то он отлично скрывал свои чувства. Он лишь пожал плечами в ответ.

– Как всегда говорит папа, мы продаем эти вещицы, нам не следует ими пользоваться. Так что то, чем ты занимаешься, – это пустая трата времени.

– В отличие от того, чем занимаешься ты, да? От твоих пьянок и игр.

Брендан бросил промокшую газету London Times на пол между ними. Джесс осторожно отложил Inventio Fortunata и поднял газету. Стряхнул капельки воды с первой страницы. На заголовке красовался рисунок – лицо человека, которого Джесс тут же узнал. Джентльмен заметно постарел, однако гнусную ухмылку этого подонка невозможно было забыть. Невозможно выкинуть было из головы и измазанные чернилами зубы, которые прожевали бесценные слова, написанные гением тысячи лет назад.

Брендан сказал:

– Помнишь его? Опоздали на шесть лет, но наконец-таки поймали твоего лизуна чернил. При загадочных обстоятельствах, если верить официальной версии.

– А на самом деле?

– Кто-то воткнул нож ему под ребра, прямо когда он выходил из клуба, так что все и правда загадочно. Дело пытаются замять. Наверняка обвинят во всем поджигателей в конечном итоге, если они вообще примут обвинения в преступлении. Никому не нужна причина, чтобы обвинить поджигате-

лей.

Джесс поднял глаза на своего брата и чуть не спросил: «Это твоих рук дело?» – однако, по правде сказать, он не хотел знать ответ на этот вопрос.

– И ты что, проделал такой длинный путь сюда, просто чтобы показать мне эту газету? – поинтересовался Джесс вместо этого.

Брендан снова пожал плечами и сказал в ответ:

– Я подумал, что эта новость поднимет тебе настроение. Я же знаю, что ты всегда переживал из-за того, что этого негоддя так и не поймали.

Газета была утренней, а сейчас уже, скорее всего, стемнело, потому что, когда Джесс вернул ее брату, статьи сами собой стерлись, и на их месте возникли новые. Лизун чернил, однако, остался на передовице, и это, наверно, потешило бы самолюбие этого гнусного существа.

Брендан свернул газету и сунул в карман. Стекающая с него дождевая вода образовала лужу на полу, и Джесс кинул ему грязное полотенце, которым вытирал свои ботинки. Брендан усмехнулся и кинул полотенце обратно.

– Ну так что? – поинтересовался он. – Ты домой собираешься?

– Позже.

– Папа хочет поговорить.

Разумеется, папа хотел поговорить. Отцу не нравилось, когда Джесс пропадал где-то надолго, особенно с тех пор, как

он решил обучать сына, чтобы передать впоследствии ему семейный бизнес. Но была проблема: у Джесса отсутствовало желание этим бизнесом заниматься. Джесс знал, как устроена работа контрабандистов, однако Брендан желал этого куда больше, да и должность Каллума Брайтвелла пошла бы ему куда лучше. Скрываясь ото всех, Джесс чувствовал себя свободным, к тому же это давало Малявке возможности, которые младшие сыновья обычно не получали.

Однако Джесс вряд ли бы признался Брендану или кому-либо еще, что он поступает так в равной степени как ради своего брата, так и ради себя.

– Плевал я на отца. Приду домой, когда захочу прийти домой. – Джесс снова опустился в кресло. Оно было старым и пыльным, украденным из дома какого-то богатенького банкира, и Джессу пришлось тащить кресло самому почти целый километр до этого наполовину обрушившегося особняка на Уоррен-стрит. Дом выглядел слишком плачевно для потенциальных покупателей, но слишком помпезно для переселенцев. Так что представлял собой отличное убежище для Джесса, где никто не мешал ему заниматься своими делами.

По этой причине было особенно обидно теперь, что Брендан его отыскивал. Потому что, несмотря на монету, отданную за молчание, Джессу придется искать новое убежище. Он не доверял брату, не верил, что тот хотя бы намеком не выдаст этот тайник... ради своей выгоды, разумеется. А значит, при-

дется тащить с собой и это кресло. Снова.

Брендан не шевельнулся. С него до сих пор стекала дождевая вода на старый дощатый пол. Он смотрел на брата уверенно и не моргая, без капли веселья в глазах.

– Папа сказал, прямо сейчас, Джесс. Пошевеливайся.

Невозможно было спорить, когда Брендан начинал говорить подобным тоном; иначе все перейдет в драку, беспощадную драку, и Джессу не очень-то хотелось проигрывать. Он проигрывал всегда, потому что в глубине души не хотел причинять боль своему брату.

У Брендана же подобного чувства, похоже, не возникало.

Джесс аккуратно завернул хрупкую книгу в водонепроницаемую материю, затем сунул в сумку с ремнями. Он скинул свободную рубашку и застегнул ремни на груди быстрыми, отточенными движениями, даже не задумываясь о своих действиях, а затем накинул рубаху и надел жилет, чтобы тайного груза под ними не было видно. Теперь Джесс не был оборванцем-гонимым, каким служил раньше, теперь его рубашка была скроена из хлопка, а шелковый жилет роскошно расшит. Поверх всего этого он надел еще и кожаный плащ, чтобы защититься от дождя, и швырнул второй плащ в руки брата, который натянул его, не произнеся ни слова благодарности в ответ.

Затем вдвоем они, шестнадцатилетние зеркальные отражения друг друга, но в то же время не похожие, точно были из разных миров, отправились вместе в город.

Брендан скрылся, как только они добрались до родительского дома; он побежал вверх по лестнице, мимо перепуганной его шагами служанки, которая тут же, однако, отругала его вслед за грязь, оставленную на коврах. Джесс смахнул с себя капли дождя, стоя в фойе дома, затем отдал свой мокрый плащ горничной и тщательно вытер ботинки, прежде чем ступить на отполированный деревянный пол.

Мать вышла из гостиной, в которой обычно принимала гостей, хотя время и было уже поздним для дружеских визитов. Она окинула взглядом Джесса с головы до ног. Должно быть, его вид ее удовлетворил – она подошла и поцеловала своего старшего сына в щеку. Она была изящной симпатичной женщиной средних лет, виски у нее уже начинали сесть, но это было едва заметно на ее пепельных от природы волосах. От нее пахло лавандой и копотью. Темно-синее платье, в котором она была сегодня, ей очень шло.

– Не сердись сильно своего отца, – сказала Джессу мать и положила руку ему на плечо. – Он снова сегодня не в настроении, как это часто бывает. И ради меня постарайся вести себя цивилизованно.

– Я постараюсь, – ответил Джесс, но это было пустым обещанием. Как пуста была и ее показная забота. Он никогда не был истинно близок со своей матерью. В этом, как и во

многим в своей жизни, Джесс оставался одинок.

Он покинул мать, по-прежнему стоящую в коридоре, которая тут же принялась поправлять букет со свежими ромашками и розами, и отправился в глубь коридора в сторону кабинета отца. Джесс вежливо постучал в закрытую дверь, а потом услышал невнятное ворчание, которое означало, что ему позволено войти.

Кабинет был отделан темным деревом, и лишь пламя в камине тускло освещало стены. Полки вокруг уставлены книгами с официальными печатями библиотеки на корешках, все упорядочено по цвету; отец предпочитал читать биографии и исторические труды, поэтому здесь преобладали фолианты с обложками из темно-красной и синей кожи. Отец заплатил за право хранить постоянную коллекцию книг в доме, поэтому большинство этих книг никогда не утратят срока годности, слова на их страницах не сотрутся и не исчезнут.

Вокруг не было ни единого оригинального произведения в твердом переплете. Каллум Брайтвелл ничем не выдавал, что мог являться кем-либо помимо успешного бизнесмена, занимающегося импортом товаров. Сегодня он был одет по моде Дальнего Востока, на нем красовался красно-оранжевый жилет из китайского шелка, видневшийся из-под пиджака.

– Отец, – произнес Джесс, дожидаясь, когда папа поднимет глаза и заметит его.

Потребовалось несколько долгих секунд, чтобы Каллум перестал водить ручкой по странице своего личного журнала и сказал наконец:

– Присядь, Джесс. Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

– Да, Брендан мне уже сказал.

Каллум отложил ручку для письма и сложил руки перед собой, переплетя пальцы. Его стол был сделан из дорогого махагониевого дерева с резьбой, изображающей морды фантастических зверей и их огромные когтистые лапы, которые всегда напоминали Джессу о львах в библиотеке.

Джесс сел на стул подальше от этого жуткого стола. Отец нахмурился. Вероятно, он счел это знаком неуважения. Джесс никогда не осмеливался сказать отцу, что дело тут просто-напросто в его плохих воспоминаниях.

– Тебе нужно перестать шататься где попало, – сказал отец. – Погода неподходящая для долгих прогулок. К тому же у меня есть для тебя работа.

– Прости, – сказал Джесс.

– Может, ты знаешь, куда делся мой экземпляр *Inventio Fortunata*? Один клиент им заинтересовался.

– Не знаю, – соврал Джесс, и ему показалось, что книга, спрятанная под его рубашкой и жилетом, стала внезапно чуточку тяжелее. Отцу обычно было плевать на конкретные книги, и Джесс всегда с осторожностью выбирал их – брал те, которые не планировалось никуда отправлять в ближай-

шее время. – Хочешь, чтобы я ее поискал? Скорее всего, ее просто поставили не на ту полку.

– Не важно. Продам этому клиенту что-нибудь другое. – Отец отставил свой стул и поднялся на ноги, начав размеренно прохаживаться вдоль стола. Джесс едва сдержался от того, чтобы тоже не встать. Но это будет выглядеть подозрительно. Вроде ничто не предвещало опасности, однако папа всегда отлично маскировал свои внезапные порывы жестокости. Лучше уж Джессу оставаться начеку, чем показывать свою слабость и страх. – Пришло тебе время заняться делом, мой мальчик. Ты уже взрослый.

Как будто он не занимался делом раньше, рискуя жизнью все свое детство. Джесс заметил, что с каждым шагом отец подходит все ближе, двигаясь полукругом, но неумолимо приближаясь.

– Даже не спросишь, о чем я говорю, а? Молодец. Вы с братом оба такие: всегда думаете головой. Это означает, что у тебя острый ум, и это хорошо. Острый ум тебе пригодится в нашем холодном, жестоком мире.

Джесс был готов, и все же отец оказался быстрее; он бросился вперед, схватил ручки стула, на котором сидел Джесс, и навис над сыном. Несмотря на свои шестнадцать лет, несмотря на свой высокий рост и достаточный вес, Джесс внезапно снова почувствовал себя десятилетним мальчишкой, ожидающим оплеухи или удара.

Он заставил себя собраться мысленно и приказал себе

принять этот удар без содроганий, однако удивительно – отец его даже не тронул. Он просто уставился на парня, замерев слишком близко, нарушая личные границы, и Джессу потребовалось немало силы воли, чтобы выдержать немигающий ледяной взгляд отца.

– Ты не хочешь заниматься нашим семейным бизнесом, сын. Это очевидно, – произнес наконец отец. – Однако, по правде сказать, ты и не очень подходишь для того, чтобы управлять им. Тебе бы больше подошло ремесло ученого. Чернила у тебя в крови, и этого не исправить. Книги никогда не станут для тебя просто работой.

– Я всегда выполнял все, что ты поручал мне, – сказал Джесс.

– И я никогда не поручал тебе что-либо, что, по моему мнению, ты не смог бы выполнить. Если бы я поручил тебе бросить в огонь ту книгу, которую ты сейчас прячешь под своей рубахой, ты бы не справился с этим, очевидно.

Джесс сжал руки в кулаки, ему пришлось прикусить язык, чтобы не перейти на крик:

– Я не какой-то там проклятый поджигатель. – Ему каким-то чудом удалось сохранить спокойный тон.

– Именно об этом я и говорю. В нашем бизнесе бывает необходимо уничтожить книгу, чтобы ее не обнаружили, а не в качестве глупого политического заявления. Однако ты бы не смог так поступить. Даже если бы стоял вопрос о спасении твоей собственной шкуры. – Отец покачал головой и

отошел. От внезапного освобождения Джесс почувствовал слабость, а отец снова опустился на стул за своим столом. – Ты должен приносить какую-то пользу. Я не могу позволить тебе шататься без дела, как какому-то принцу, до конца жизни. Я потратил немалые деньги на твоих учителей, в то время как твой брат зарабатывал, и должен признать: ты и впрямь заставил нас всех гордиться твоими успехами в учебе. Однако пришло время поговорить серьезно.

Отцовское одобрение странно подействовало на Джесса: он почувствовал, будто ему жарко и холодно одновременно. Джесс не знал, как реагировать на подобный комплимент. Поэтому он просто промолчал.

– Ты меня слышал? – Голос Каллума Брайтвелла прозвучал неожиданно заботливо, и Джесс заметил нечто новое в выражении лица своего отца. Он не понял, что именно, но ему захотелось отпрянуть от отца или хотя бы вжаться в спинку стула. – Я говорю о твоём будущем, Джесс.

Джесс погасил волну внезапного беспокойства, а затем осторожно спросил:

– Какое у меня может быть будущее, если не помощь тебе в семейном бизнесе?

– Я заплатил за твое место в Библиотеке, ты будешь обучаться там.

– Вот спасибо! – От смеха Джесса выражение на лице отца, однако, не изменилось. Тот даже не помрачнел. – Ты же не серьезно. Брайтвелл. В Библиотеке.

– Вполне серьезно, мальчик мой. Если мой сын будет в Библиотеке, это может принести немало пользы всей нашей семье. Ты пару раз пронесешь тайком несколько книжек, стащишь парочку бесценных фолиантов, и мы тут же станем безмерно богаты. Ты сможешь предупредить нас о планируемых проверках, о стратегиях библиотечных элитных стражей и полиции и так далее. К тому же в твоём распоряжении будут все книги, какие тебе только заблагорассудится прочитать.

– Ты же не серьезно? – повторил опять Джесс. – Ты хочешь, чтобы я был твоим шпионом?

– Я хочу, чтобы ты стал нашим преимуществом – или адвокатом, быть может, если в силу каких-нибудь жутких обстоятельств Брайтвеллам таковой понадобится. Библиотека управляет миром, сынок. Так что лучше нам иметь место за ее столом. Посуди сам, в тебе больше выдержки и ума, чем я готов это признать. Ты можешь стать успешным во многих делах, но ты поможешь своему брату куда больше, если будешь в Библиотеке. Может, даже однажды спасешь ему жизнь.

Стоило ожидать, что отец начнет давить на родственные чувства.

– Мне ни за что не пройти вступительные испытания.

– А зачем, по-твоему, я платил всем твоим учителям, мальчик мой? Тебе нужно будет ответить на вопросы, ответы на которые знает любой юноша, способный прочитать только

кодекс. В твоей голове куча знаний, которыми без особого разрешения владеть запрещено. Оплошаешь, и с тобой поступят куда хуже, чем просто отправят с позором домой.

Отец и впрямь не шутил, и злость Джесса ослабла от осознания этого. Он никогда даже не задумывался о том, чтобы работать в Библиотеке. В какой-то степени мысль об этом его ужасала, ведь он так и не смог забыть библиотечных львов, которые раздавили своими лапами невинных людей у него на глазах. Однако в Библиотеке и впрямь хранилось то, о чем Джесс мог только мечтать. Если он окажется там, то все знания мира окажутся от него на расстоянии вытянутой руки.

Джесс так ничего и не ответил. Отец вздохнул и снова заговорил, в его голосе прозвучала нотка нетерпения:

– Считай это деловым соглашением, мальчик мой. Оно даст тебе все, о чем ты мечтал, а нам – преимущество. Подумай об этом хорошенько. Однако запомни: если ты провалишь задание и сдашься, то ничего больше не получишь от своей семьи. Ни гроша.

– А если я останусь здесь?

– Тогда я все равно не смогу позволить себе кормить и одевать никчемного идиота, не обладающего верностью и бесполезного, верно? Ты будешь работать на нас или же окажешься на улице куда быстрее, чем думаешь.

Отец выглядел серьезным и непреклонным, и было очевидно, что он не вкладывал ни капли юмора в свои слова. Сдать экзамен в Библиотеке, пройти обучение и, быть может,

оказаться там на службе – или же остаться совсем одному в свои шестнадцать лет и попрошайничать на улицах. Джесс прекрасно знал, как питаются обьедками на улицах бездомные. И ему совсем не нравилась подобная перспектива.

– Ты низкий человек, – сказал Джесс. – И я всегда это знал, папа.

Каллум улыбнулся в ответ. Его глаза походили на два ледяных, сухих камешка, когда он произнес:

– Это я только что услышал, что ты согласен?

– А у меня действительно есть выбор?

Отец подошел и сжал плечо Джесса так сильно, что наверняка оставил синяк.

– Нет, сынок, – сказал он. – Поэтому-то я и успешен в своем деле. Посмотрим, станешь ли ты успешным в своем.

* * *

Обучение в Библиотеке стоило чрезвычайно дорого. Большинство семей не могли даже мечтать о подобном; это было привилегией гнусных богачей и аристократов. Брайтвеллы же были достаточно богаты, но даже им собрать подобную сумму было непросто.

Джесс теперь не мог перестать думать о том, что его будущее куплено за древний труд Архимеда, проглоченный в темной карете, когда ему было десять лет. Это еще одна мысль, которую он не осмеливался записать в своем личном

журнале, хотя и заполнил в очередной раз страницы аккуратным почерком, описал свои чувства по поводу этой ситуации, то, что на него давила необходимость добиться успеха в новом задании. То, как одновременно радовался дарованной ему отцом возможности и ненавидел ее.

Отец заплатил вступительный взнос, и теперь все зависело лишь от Джесса. Первое, и по многим причинам самое сложное, что нужно было сделать, – это явиться в лондонский серапеум на вступительный экзамен. Джесс избегал этого места со дня встречи с каменными львами и не испытывал желания ступить на эту территорию снова. К облегчению Джесса, его довели на паровой карете до самых входных дверей западного крыла. Там тоже было несколько статуй, но они располагались на высоких пьедесталах, так что Джессу не пришлось смотреть им в глаза.

Он чувствовал себя в относительной безопасности, пока не заметил автоматизированную копию королевы Анны, устремившую немигающий взгляд на тех, кто поднимался по лестнице. В левой руке у нее была держава, а в правой золотой скипетр, указывающий вниз, на головы проходящих мимо ее пьедестала.

Она выглядела пугающе реалистичной. Джессом овладело ощущение беспокойства, потому что, точно как и те львы, она выглядела беспощадной, и на миг Джесс даже представил, как ее глаза загораются кроваво-красными огнями, скипетр тяжело опускается ему на голову и раздаются слова: «Ты

недостойн службы здесь».

Однако она не шелохнулась, и Джесс поспешил последовать за другими воодушевленными кандидатами, прибывшими на экзамен в серапеум.

Экзамен проходил в читальном зале, на клиресе, где обычно располагался хор, и служительница серапеума в черной мантии с серебряным поясом раздала сдающим экзамен тонкие листки бумаги, когда все расселись. Джесс подсчитал, что их было около пятидесяти человек. Большинство выглядели испуганными, однако боялись ли они пройти тест или провалить его, оставалось под вопросом. Скорее всего, провалить. Все были одеты богато, и, без сомнений, их будущее зависело от того, как они покажут себя сегодня. «Сегодняшний богатенький младший сын, а завтра бездомный бродяжка», – всегда говорил отец.

На листе на столе перед Джессом сам собой появился текст. Он был написан старинным библиотечным шрифтом, которому полагалось быть красивым и витиеватым, так что даже прочесть его было не самой легкой задачей... Однако Джесс видел в своей жизни тексты куда более сложные и куда менее приятные. Первые вопросы, хотя и были нацелены на проверку эрудиции кандидатов, оказались смехотворно простыми.

Джесс немного успокоился, но, как оказалось, рано, потому что, когда на странице появился второй раздел вопросов, они оказались гораздо сложнее, и очень скоро Джесс на-

чал по-настоящему переживать и потеть от волнения. Разделы алхимии и механики заставили Джесса думать на пределе возможностей, и он вовсе не был уверен в том, что правильно ответил на вопросы о медицинских снадобьях, хотя все же надеялся на это. Зря он думал, что легко сдаст экзамен.

Джесс долго колебался перед тем, как написать свое имя и оставить подпись в конце, после чего он уже не имел права ничего изменить в своих ответах. Текст на странице тут же исчез, и элегантные строки, появившиеся следом, сообщили ему, что результаты экзамена будут скоро, а пока он может покинуть серапеум.

Когда Джесс выходил, то ему почудилось, что королева Анна снова осуждающе смотрит на всех, кто проходит мимо, и он постарался не глядеть на нее, перепрыгивая через две ступеньки. День был теплый и солнечный, во дворе серапеума хлопали крыльями голуби, и Джесс огляделся, разыскивая глазами карету Брайтвеллов, которая должна была быть припаркована где-то поблизости. Карета оказалась дальше, чем он думал, и он поспешил к ней. Джесс понял, что нервничает. По-настоящему нервничает при мысли о том, сдал ли вступительный экзамен. Ему это было и правда важно. И это чувство не было ему знакомо.

– Сэр? – Водитель Джесса с беспокойством посмотрел на него со своего места, очевидно, желая обратиться отсюда подальше и поскорее. Это был один из тех громил отца, которые проводили большую часть своей криминальной карье-

ры, держась подальше от библиотеки и всего с ней связанного. Джесс его не винил за страх. Он молча забрался на заднее сиденье, и в этот момент его кодекс – книга в кожаном переплете, в которой отображались собрания сочинений Великой библиотеки в Александрии, – зажужжал у него в кармане. Кто-то отправил Джессу сообщение. Он поспешно открыл форзац и увидел, как на нем появляются витиеватые строки библиотечного шрифта, буква за буквой. Джесс чувствовал, как книга едва заметно дрожит под нажимом ручки библиотекаря, который передает это сообщение:

Мы рады сообщить вам, что Джесс Брайтвелл официально принят на обучение для distinguished службы в Великую библиотеку. Вам следует прибыть на станцию Сент-Панкрас в Лондон завтра в десять утра для отправления в Александрию. Пожалуйста, обратитесь к списку предметов, разрешенных брать с собой на обучение.

Внизу стояли подпись и библиотечная печать, которая выступала красной кляксой из чернил на бумаге. Джесс осторожно провел по ней пальцем. На ощупь печать оказалась гладкая, как воск, однако и теплая, как кровь, и Джессу почувствовалось, будто она живая.

Его имя тоже выделялось, написанное жирными черными буквами. ДЖЕСС БРАЙТВЕЛЛ.

Он нервно сглотнул, быстро закрыл книгу и попытался

утихомирить своей участвовавший пульс, когда колеса кареты застучали по уличной брусчатке, увозя его обратно домой.

* * *

Мать Джесса, очень обрадованная новостью (или считавшая своим долгом выглядеть обрадованной), подарила сыну набор стилусов, а отец наградил его новеньким кодексом в кожаном переплете, специальным изданием, со множеством дополнительных страниц для заметок. А также с красиво выгравированным золотом символом библиотеки.

Брат не подарил Джессу ничего, но Джесс ничего от него и не ждал.

Ужин прошел необычно мирно и торжественно. После того как мать разрешила сыну выпить немного бренди, Джесс обнаружил себя сидящим в одиночестве на ступеньках в саду. Вечер был прохладным, а небо над головой ясным – редкость для Лондона. Джесс уставился на белеющую над его головой луну. Звезды будут выглядеть иначе на небосводе там, куда он отправится завтра, но луна останется прежней.

Джесс никогда раньше не думал, что отъезд заставит его грустить.

Он не заметил, когда в сад вышел Брендан, но и не удивился, услышав, как его малявка брат шаркает ботинками по выложенной камнями тропинке рядом.

– Ты никогда не вернешься.

Не это Джесс ожидал услышать, и он повернулся, чтобы взглянуть на Брендана, который ссутулился, стоя в тени. Джесс не видел выражения его лица.

– Ты умен, Джесс, но папа ошибается кое в чем: чернила у тебя не в крови. Ты пропитан ими до кости. Твой скелет, должно быть, черный, как они. Ты отправишься туда, к *ним*, и мы потеряем тебя навсегда. – Брендан переступил с ноги на ногу, но так и не подошел к брату. – Поэтому не уезжай.

– Я думал, ты хочешь, чтобы я убрался, – сказал Джесс.

Брендан вздохнул. А затем оттолкнулся от стены и исчез в темноте ночи. Ушел заниматься бог знает какими делами. «Прости меня, Малявка», – подумал Джесс. Однако, сказать по правде, он не чувствовал себя виноватым. Оставшись здесь, он не имел бы никакого будущего, как не было никакого будущего для Брендана в Библиотеке.

Сегодня Джесс будет спать дома в последний раз.

Вернувшись в дом, Джесс записал все эти мысли в свой личный журнал, а потом провел остаток вечера, читая *Inventio Fortunata*.

Что, очевидно, только доказывало слова брата.

* * *

На следующий день отец проводил Джесса до вокзала Сент-Панкрас и отослал слуг, чтобы самому донести чемо-

дан сына до поезда... и за все это время отец не проронил ни слова и ничем не выдал своих чувств. Когда Джесс принял из рук отца чемодан, тот наконец сказал:

– Заставь нас тобой гордиться, сынок. Или, клянусь богом, я буду пороть тебя, пока ты этого не сделаешь. – Однако в то же время глаза отца едва заметно блеснули, точно от слез, и Джесс почувствовал себя не в своей тарелке. У отца был сильный характер, и он никогда не проявлял сентиментальности.

Поэтому не может быть, чтобы Джесс увидел у него на глазах слезы.

Затем отец быстро, строго кивнул сыну и пошел прочь, исчезая в толпе пассажиров и разлетевшихся голубей. Горячий дым от мотора поезда собирался под сводчатым потолком станции и вплетался в железные узоры. Такая знакомая и такая странная картина одновременно. Несколько секунд Джесс просто стоял, раздумывая. Пытаясь понять, что он чувствует в этот самый момент, застыв между старым миром и новым, тем, жить в котором ему предстоит.

Оставалось еще двадцать минут до отправления поезда в Александрию, и Джесс подумал, не сумеет ли он отыскать где-нибудь в вагонах поблизости автомат с горячими напитками, однако, пока он колебался, услышал ворчание у себя за спиной.

Какой-то мужчина начал ругаться и вскоре повысил тон до крика, и отчего-то Джессу захотелось обернуться и узнать,

в чем дело.

— ...признайтесь, что вы обманываете сами себя! Что слова есть не что иное, как лживые идола, которым вы поклоняетесь! Великая библиотека, может, однажды и явилась благодетелем, но в наши-то дни? Что она нам дает? Лишь отбирает у нас! Унижает нас! Вот вы, сэр, у вас есть собственная книга? Нет, сэр, не бланк, заполненный тем, чем *они* желают его заполнить... Настоящая книга, оригинальная, написанная писателем? А вы бы осмелились владеть книгой, мадам? Библиотека владеет нашими воспоминаниями, а вы не имеете права владеть книгой! Почему же? Почему они так этого боятся? Почему они так боятся дать нам выбор?

Джесс заметил говорящего человека, который забрался на каменную скамейку и теперь читал свою лекцию прохожим, вскинув руку с журналом над своей головой. Это не был бланк из серапеума с библиотечным штампом. То, что вытащил из-за пазухи мужчина, было копией журнала в кожаном переплете с тиснением, на котором можно было прочесть его имя. Его личный журнал, в котором он ежедневно записывал свои мысли. У Джесса был почти такой же. Библиотека раздавала их бесплатно в день рождения ребенка и советовала всем горожанам в мире записывать свои мысли и воспоминания с самых по возможности ранних лет. В архивах Библиотеки хранились эти записи каждого дня и каждого часа их жизни после того, как они умирали. Библиотека была мемориалом. И в этом заключалась одна из причин, по которой

люди ее так любили: в каком-то смысле она даровала каждому своего рода бессмертие.

Мужчина теперь размахивал своим личным журналом, словно факелом, а в глазах у него горел лихорадочный огонек, отчего Джесс почувствовал себя неудобно. Он отлично знал, чем это закончится. Полицейские наверняка уже спешат сюда.

Люди вокруг оратора расступились, испуганные его страстью и диким взглядом. Джесс обеспокоенно осмотрелся. Он был прав: отряд полицейских в красных плащах уже направлялся в их сторону. Говоривший их тоже тут же увидел, и Джесс заметил, как лицо мужчины побледнело под копной растрепанных волос. Однако он лишь стал кричать громче:

– Человека нельзя приравнивать к куску бумаги, к строкам и буквам! Его нельзя поставить на полку! Жизнь дороже книги! *Vita hominis plus libro valet!*⁴

Последний возглас прозвенел как победоносный клич. Мужчина сунул руку под свой плащ, достал бутылочку с ядовитого оттенка зеленой жидкостью, резво открутил крышку и пролил одну-единственную каплю на личный журнал, который все еще держал в руках. Затем он отшвырнул журнал на каменный настил под ногами, и через секунду тот запылал ужасающими языками пламени, которые сияли, точно изумруды, и высоко вздымались. Люди, стоявшие поблизости, отшатнулись, ахая, а некоторые вскрикнули от удивле-

⁴ Жизнь человека дороже книги! (*лат.*)

ния и испуга.

– Греческий огонь! – воскликнул кто-то, а потом начался хаос, и люди толпой бросились к выходу. Это помешало полицейским, которым пришлось идти против движения.

– Библиотека хочет, чтобы мы все были слепцами! – кричал поджигатель. – Я умираю, чтобы показать вам свет! Не верьте им! Они лгут нам!

Джессу тоже следовало бы убежать, так он подумал. Его толкали со всех сторон те, кто обладал, очевидно, более здравым рассудком, чем он, однако он застыл, испуганный – и очарованный, – продолжая наблюдать за мужчиной. Книга, сгоравшая на каменном полу, стала для Джесса жутким напоминанием того беспомощного гнева и ужаса, что он чувствовал однажды: словно сами страницы умоляли его помочь им. Это ведь тоже было своего рода оригинальное произведение, единственная копия, написанная чернилами на бумаге. Там были все мысли и мечты этого человека, и они... умирали. Конечно, это не такое великое произведение, как «О создании сферы», но все равно Джессу пришлось заставить себя устоять на месте, чтобы не поддаваться импульсу и не броситься спасать журнал.

– Прочь с дороги! – закричал полицейский и оттолкнул Джесса в сторону выхода, чуть не сбив с ног. – Отойди же! Неужели ты не знаешь, что такое греческий огонь!

Джесс знал, а еще он с запозданием осознал, что у поджигателя с собой не одна капля этой жидкости, которую он по-

тратил для демонстративного уничтожения своего журнала. Мужчина держал по-прежнему почти полную бутылку высоко над головой. Жидкость сияла, словно дымчатый изумруд в тусклом свете, просачивающемся на вокзал сквозь окна.

Джесс сделал шаг назад и споткнулся о собственный чемодан. Он упал, все еще не сводя глаз с поджигателя. «Мне нужно уйти отсюда», – подумал он, однако ему казалось, будто его собственный мозг заснул, убаюканный гипнотизирующими языками пламени. Джесс правда хотел уйти, но тело ему будто бы больше не подчинялось.

– Закрой свою бутылку, сынок, – сказал один из полицейских, приближаясь к поджигателю. Он был старше, а его голос звучал авторитетно и на удивление дружелюбно. – Нам не нужны эти неприятности. Ты уже показал, что хотел, и, если тебе хочется уничтожить то, что ты сам же написал, что ж, это твое личное дело. Закрой бутылку и убери ее сейчас же. Не нужно никому причинять вреда. Обещаю, тебя за это ждет только лишь штраф.

– Лжец, – сказал мужчина, и впервые Джесс вдруг понял, что тот был не особо старше его самого. Лет двадцать, не больше. Он выглядел серьезным, отчаянным и испуганным, но все же нечто дикое пылало в его глазах. – Ты глупец, подчиняющийся Библиотеке, и я не позволю тебе меня остановить! *Vita hominis plus libro valet!*

Это был слоган поджигателей: «Жизнь человека дороже книги».

И этот слоган стал его последними словами.

Молодой человек перевернул бутылку, выливая оставшийся греческий огонь на свою одежду и голову, и полицейские, которые подходили к нему, собираясь схватить, отступили, а затем развернулись и бросились бежать прочь.

Джесс видел, как ядовитая жидкость начинает пылать, искриться и разгораться, окутывая поджигателя зеленым пламенем, которое вздымается к потолку, образуя жуткий столб света. Подобного звука Джесс не слышал никогда – как мужчина глотнул воздух, а затем послышались треск, и шипение, и крик.

О боже, это был ужасный крик.

Один из полицейских схватил Джесса и толкнул его с края платформы. Джесс упал, больно ударившись о гравий между рельсами, приземлившись всего в нескольких шагах от железного вагона. Рухнувший на него полицейский припилил Джесса к земле, и ему стало сложно дышать. Краем глаза Джесс, однако, все еще видел, как огонь полыхнул над его головой, точно поток смешавшихся воедино зеленого, желтого и красного цветов.

А потом крики стихли, и жуткая волна огня отступила, хотя пламя на платформе все еще полыхало.

Полицейский, который накрыл собой Джесса, схватил его, не позволив ему подняться.

– Нет, – сказал полицейский, тяжело дыша. Его лицо выглядело бледным под шлемом. – Оставайся внизу, воздух

ядовитый, пока огонь не потухнет совсем.

– Но он...

– Мертв, – сказал мужчина и крепко стиснул плечо Джесса. – И мы ничем не можем ему теперь помочь. Глупый мальчишка, ему не нужно было... – Его голос задрожал, а потом и вовсе затих, и, несмотря на то что Джесс вырос, считая полицейских своими врагами, в этот момент их двоих объединял этот страх. – Проклятые поджигатели. С ними невозможно договориться. С каждым годом становится все хуже. – Мужчина моргнул, отгоняя навернувшиеся на глазах слезы, и поспешно отвернулся.

Джесс сел, уперевшись спиной в каменную стену и уставившись на сияющий над ними огонь, глядя на пламя, пока то не потухло.

* * *

Полицейские допросили Джесса – не то чтобы они его в чем-то подозревали, просто он остался стоять на месте, когда все остальные бросились бежать к выходу, и он был как раз такого возраста, в котором молодые люди часто меняли свои взгляды на жизнь. Джесс честно ответил на все вопросы и показал им свой кодекс, где были документы, подтверждающие, что он отправляется в Александрию, а также письмо с приглашением на обучение. Он беспокоился, что может опоздать на поезд, однако все поезда стояли на месте, пока

полицейские не удостоверились, что опасность миновала и станция может продолжить свою работу.

Все это заняло несколько часов, и Джесс полагал, что полиция связалась с его родными, однако никто не пришел к нему. Джесс помнил, что его старшего брата Лиама поймали, когда тот доставлял книгу, помнил печаль и смирение на лице отца. Отец не стал защищать Лиама тогда. И он вряд ли придет в полицию, чтобы встать на защиту Джесса теперь, если с ним произойдет что-то плохое.

Джесс нервничал как никогда прежде, однако полицейские вскоре позволили ему вернуться на платформу, когда уборщики избавились от всех следов недавней смерти поджигателя, кроме выцветшего от огня пола. «Книга, – подумал Джесс, когда поднялся и посмотрел на маленькое пятно на полу. – Это то самое место, где погибла книга». Точно такой же уродливый черный шрам красовался на том месте, где поджигатель свел счеты со своей жизнью, стоя на возвышении.

Книги и люди оставляли после себя одинаковые следы, когда умирали.

Мысль о том, что молодой человек сжег вместе с собой свой личный журнал, оставляла неприятный привкус у Джесса на языке: тот ведь не просто разочаровался в своей жизни, а потерял всякую надежду на то, что человечество может понять смысл его жизни. Быть может, никто бы и не прочел написанную им историю, быть может, его причины

так поступить были самыми что ни на есть приземленными и банальными. Однако, сжигая свой личный журнал, этот человек полностью уничтожил себя и всякое упоминание о себе в этом мире. Для современного человека, выросшего с мыслью о том, что библиотека навеки сохранит память о нем, эта идея казалась... непостижимой.

Джесс понял, что на него косятся, а он застыл рядом с местом преступления, поэтому он быстренько взял свой чемодан и отправился на платформу.

Все поезда опоздали, и платформа снова заполнилась ждущими новое расписание путешественниками. Забавно, все снова выглядело так мирно. Поезда начали разносить свой серый дым по воздуху, а мужчины, женщины и дети спешили по делам, занятые своими житейскими проблемами и повседневными мыслями. И голуби тоже вернулись и начали собирать крошки, падавшие со съедаемых пирогов и сэндвичей. Единственное, что изменилось, по наблюдениям Джесса, – это количество полицейских, которые теперь вышагивали на каждом углу, поджидая новых поджигателей, способных нарушить спокойствие, сделав из себя новых мучеников.

Однако, несмотря на то что случившееся было ужасным, Джессу казалось, что смерть молодого человека не привела ни к какому результату, это ведь все равно что бросить маленький камешек в огромный и быстрый поток реки: несколько брызг, а потом ни намек на произошедшее.

Джесс не мог понять для себя, было это хорошо или, наоборот, очень плохо.

Он подошел к платформе и присоединился к большой очереди, которая загружалась в длинный серебристый поезд. У входа стоял пожилой человек в униформе проводника, который сказал Джессу:

– Лучше устраивайся поудобнее, дружище. Нас ждет долгое путешествие. Под Францией, через Испанию, вдоль Марокко, а затем до самого города. Держи свои документы при себе, их необходимо будет показать, когда мы прибудем к границам Александрии. Ты уверен, что ничего не забыл?

Джесс поблагодарил проводника и, когда вошел в вагон, стал смотреть по сторонам в поисках своего места. Его не удивило то, что отец купил ему самый дешевый билет из возможных. У богачей были мягкие сиденья со столиками для чая, однако его вагон выглядел старым, в нем пахло плесенью, протухшей едой и немытыми ногами. И тут было полным-полно народу, который всё прибывал, так что чемоданы и сумки пришлось складывать в стопки. Джесс поставил ноги на собственный чемодан. Он не верил в то, что незнакомцы могут желать добра.

В своем личном журнале Джесс перед отправлением поезда написал об инциденте с поджигателем, описал свое грядущее путешествие и пассажиров, сидящих вокруг него, а затем убрал ручку и только лишь ел да спал, пока пейзажи мелькали за окном, а станции сменяли одна другую. К сча-

стью, пассажиры постепенно сходили на разных станциях, а заходили новые люди заметно реже. Новоприбывшие, однако, выглядели уже иначе: поезд покинул английские земли, промчавшись по подземному тоннелю в сторону библиотечных территорий Франции; теперь люди вокруг начали нервно беседовать об опасностях, поджидающих на побережье, и многие с заметным облегчением выдохнули, когда поезд добрался до следующего подземного тоннеля без инцидентов. Уэльская армия наступала все ближе. Никто не верил, что так называемые нейтральные территории и впрямь безопасны, хотя пока что поезд не попал в какие-либо неприятности.

К тому моменту как они добрались до испанских границ, время уже перевалило за полдень, и все пассажиры, кажется, разделились на две категории: новоиспеченные кандидаты на библиотечную службу, как Джесс, молодые и в большинстве своем нервные, собирались в маленькие компании, а также самоуверенные сотрудники Библиотеки, которых не составляло труда отличить от обычных граждан по браслетам на их запястьях – из меди, серебра или – что было редкостью – у одного из золота. Джесс задумался, каково это – знать, что должность, которую ты занимаешь, будет твоей до конца твоих дней. Будешь ли ты чувствовать себя свободным или, наоборот, в ловушке? «Вряд ли я когда-либо узнаю», – подумал он. Библиотека преподносила золотые браслеты лишь нескольким людям из поколения.

Остаток путешествия тянулся долго и не был щедр на при-

ключения, за окном однажды мелькнула гроза, однако она не коснулась поезда, приблизившегося к границам Испании, где все пассажиры вышли на платформу, моргая от палящего солнца, прежде чем взойти на паром, который понес их уже по водам.

Когда Джесс зашел в очередной поезд в Марокко, то заметил нескольких новых пассажиров. Одного из них было сложно не заметить. Блондин с голубыми глазами примерно того же возраста, что и Джесс, выглядел настолько мускулистым, что, казалось, был способен гнуть железо голыми руками... при этом он с осмотрительностью шагал мимо других людей и извинялся каждый раз, когда сталкивался с кем-либо. Слишком уж осторожничал.

Джесс встретился с ним взглядом на миг и кивнул, и это оказалось ошибкой. Великан направился напрямик к нему и спросил:

– Можно здесь присесть? – Он отлично говорил по-английски, хотя его немецкий акцент был очевиден.

– Здесь много мест, приятель, – ответил Джесс. – Садись куда угодно.

Джесс надеялся, что парень поймет, что лучше пройти дальше, но вместо этого тот протянул Джессу свою мясистую руку для рукопожатия и представился:

– Томас Шрайбер.

– Джесс Брайтвелл.

Они обменялись рукопожатием, и парень плюхнулся всем

своим огромным весом на сиденье рядом с Джессом, а затем с облегчением выдохнул.

– Наконец-то нашлось подходящее место, – сказал он.

Джесс едва ли мог согласиться с этим заявлением, учитывая, что Томас только что занял большую часть и его сиденья.

– Ты издалека? – спросил Джесс, ничем не выдав, однако, свое недовольство.

– Из Берлина. Знаешь Берлин?

– Лично там не бывал. Там хорошо?

– Очень хорошо. А ты? Откуда родом?

– Лондон.

– Англия? Это тоже очень даже далеко.

– Да, далеко. Полагаю, ты тоже едешь на обучение в Библиотеку?

– Ага. Надеюсь получить должность инженера. Мой дедушка многие годы был обладателем серебряного браслета.

– Инженерия... Это относится к юрисдикции Артифекса⁵. Я слышал, там все строго. Если у тебя есть родственник с серебряным браслетом, означает ли это, что ты в каком-то роде наследник должности? – Когда Джесс увидел растерянность на лице Томаса, то попытался спросить снова: – Если ты являешься наследником, то, возможно, не обязан проходить вступительные экзамены? Дети тех, кто носил золотые браслеты, могут попасть на обучение без экзаменов. Не знаю,

⁵ От *лат.* artifex – творец, создатель.

однако, насчет серебряных.

– Было бы неплохо, да? Но нет-нет, ничего такого. Мне пришлось проходить экзамен.

– Да? И как, успешно?

Томас пожал плечами:

– Вполне.

– У меня семьсот пятьдесят баллов. Лучший в рейтинге Лондона, – лишь сказав это, Джесс осознал, что его слова прозвучали как хвастовство. Ну что ж, ладно. Он и правда этим гордился.

Томас вскинул свою бледную бровь и кивнул, сказав:

– Очень хорошо.

Что-то в осторожном и вежливом тоне Томаса заставило Джесса посмотреть на него.

– А у тебя сколько баллов? – спросил Джесс.

Томас, казалось, не очень хотел отвечать на этот вопрос, однако Джесс продолжал смотреть на него с ожиданием, и это сработало.

– Девятьсот двадцать пять.

– *Что?*

– Студенты из Берлина всегда хорошо проходили экзамены. – Слова Томаса прозвучали одновременно с гордостью и извинением.

– Хорошо проходили? Приятель, я уверен, что ни один профессор из Лондона не смог бы сдать лучше. Это, должно быть, лучший балл за весь год.

– Нет, – сказал Томас. – Лучший балл у нее. – Он быстро оглядел вагон и кивнул на молодую девушку, сидящую в самом конце. Джесс с опозданием узнал ее. Она зашла раньше, в компании родственников, которые окружили ее и вышли из вагона, только когда проводник сердито прикрикнул на них.

Она была настолько же маленькая, насколько Томас был большим. Джесс не мог хорошо разглядеть ее издали, однако видел, что у нее была темного оттенка кожа и черный платок на голове. Сложно было рассмотреть вообще хоть что-то еще, потому что она уткнулась в книгу.

– Она, – сказал Томас. – Она, поговаривают, первая за всю историю проведения экзаменов получила стопроцентный балл. Не просто первая среди девушек. Первая среди всех. – Голос Томаса звучал воодушевленно и уважительно. Глядя на девушку, Джесс увидел, как она опускает книгу, заметив их взгляды, и уверенно смотрит на них в ответ своими карими глазами. Томас, смутившись, тут же отвел взгляд.

Джесс, однако, продолжил смотреть. Она была симпатичной, хотя и не обладала неземной красотой, но что-то в ней показалось Джессу интересным. Она вкинула брови, одну выше другой, точно как его брат любил делать, и Джесс попытался повторить этот жест. Ему опять не удалось.

Поэтому Джесс решил подняться на ноги и начал с трудом протискиваться мимо огромных колен Томаса.

– Куда ты собрался? – удивленно шепнул Томас ему.

– Поздороваться, – сказал Джесс. – Самая умная девчонка в мире? Я хочу с ней познакомиться.

– Я бы не стал...

Джесс уже шагнул в заднюю часть вагона к той самой девушке, которая по-прежнему с уверенностью смотрела на него, и в этот момент какой-то мужчина уселся в кресло рядом с ней. Это был полноватый человек, старше его, одетый в дорогой наряд арабской моды.

Джесс замер и вежливо кивнул девушке. Она кивнула в ответ.

– Хотел познакомиться, – сказал ей Джесс. – Меня зовут Джесс Брайтвелл. А это мой приятель Томас Шрайбер, вон тот, громадный и стеснительный.

– Халила Сеиф, – произнесла она в ответ. – А это мой дядя Насир. Он сопровождает меня к александрийским границам.

Ее дядя одарил Джесса теплой улыбкой, поднялся и поклонился в ответ. Он вел себя очень цивилизованно, однако не собиравшись отходить от своей племянницы – это было очевидно.

Джесс снова повернулся к Халиле.

– Самый высокий балл на экзамене, – сказал он. – Полагаю, вы точно получите должность в Библиотеке.

– Ничего в жизни нельзя знать точно. Я могу оказаться непригодной для работы. Некоторые люди слишком хрупки для подобного дела.

– Хрупки, – повторил Джесс. – Да, однако вы не выглядите

хрупкой.

– Вы тоже студент, сэр? – поинтересовался ее дядя.

– Не настолько талантливый, как ваша племянница, сэр, но да, так и есть.

– И откуда же вы?

– Из Англии, сэр.

– О! Разве у вас сейчас не война?

– В той части страны, откуда я родом, нет, – сказал Джесс. Мужчина, очевидно, был слишком вежливым, чтобы сказать это прямо, однако он явно считал Англию источником всех проблем. – Что ж, не буду мешать вашему чтению в таком случае, мисс Сеиф. Приятной поездки.

– Спасибо за вашу учтивость, мистер Брайтвелл, – сказала она ему в ответ. – Желаю и вам хорошей дороги. – Она говорила очень отстраненно, однако улыбалась дружелюбно. Не то чтобы с теплом. Но без страха.

И она определенно не была хрупкой.

Джесс вернулся на свое место рядом с Томасом и сказал:

– Что ж, будем считать, одна должность уже занята. Она точно однажды получит место хранителя, а то и архивариуса. Мое будущее выглядит все печальнее. – Конечно, Джесс не был разочарован. Он любил сложности, а эта ситуация... казалась ему самой интересной сложностью за всю его жизнь. Скучно всегда быть самым умным. А теперь он понимал, что ему придется наконец постараться.

«Ты никогда не вернешься». Слова Брендана внезапно за-

звучали у него в голове. Слова, сказанные точно пророчество, потому что воспоминания о семье и впрямь уже побледнели в голове Джесса. Ему здесь нравилось.

Он наконец почувствовал себя на своем месте.

Когда на очередной станции проводник закричал, что поезд скоро отправляется, к составу уверенно поспешила костлявая девушка. Она двигалась не особо изящно, однако ее длинные ноги быстро ее несли, и она запрыгнула в вагон буквально за секунду до того, как проводник захлопнул двери и поезд засвистел, снова набирая свою скорость. Девушка облокотилась о стенку вагона, покрасневшая и вспотевшая, а потом потеряла равновесие и упала на колени к Джессу и Томасу, когда поезд дернулся.

И она оказалась совсем не легкой. С острыми локтями. Джесс вздрогнул, потирая грудь, когда она заерзала, поднимаясь снова на ноги и сердито покосившись на них с Томасом, как будто это они напали на нее.

– Добро пожаловать, – вежливо сказал ей Томас. – Меня зовут Томас Шрайбер, я из Берлина. – Он протянул девушке руку. Пошатываясь, она наконец встала, откинув свои каштановые волосы с лица, и ее сердитый взгляд помрачнел еще больше, однако она ответила на рукопожатие. Неохотно. – А вы?..

– Глен Уотен. Мертир-Тидвил⁶. – Она резко замолчала, когда перевела взгляд на Джесса.

⁶ Город-графство в Уэльсе.

– Джесс Брайтвелл. Лондон.

Глен кисло уставилась на него, затем развернулась и села на свободное место в конце вагона.

– Ты ей не нравишься, – заметил тихо Томас. – Вы что, знакомы?

– В знакомстве нет необходимости, – ответил Джесс. Он чувствовал, как Глен буравит его спину взглядом. – Судя по всему, она из Уэльса. И полагаю, уже планирует, как воткнет нож мне в почки еще до того, как мы доберемся до границы. – Когда Томас продолжил на него растерянно смотреть, Джесс добавил: – Я англичанин. Кровавая вражда. Она толкает людей на необдуманные поступки.

– О, – сказал Томас, хотя не похоже было, будто он что-то понял. Значит, не знает о происходящей сейчас войне, сообщил Джесс. Или просто не понимает, что Южный конфликт длится уже пятьдесят лет, приводя к большим потерям как со стороны Уэльса, так и со стороны Англии. И в последнее время Уэльс выигрывал.

Глен выглядела как одна из тех, кто не забывает о подобном, просто перешагнув границу страны. Однако Джесса это особо и не беспокоило. По крайней мере, теперь есть один студент, который может быть отчислен, и это даст возможность занять должность другому, и Джесс не будет об этом жалеть.

Тем временем поезд нес его вперед, в неизведанное будущее.

Пересечение александрийской границы означало, что все, у кого нет разрешения на пребывание на территории Библиотеки, должны сойти с поезда. А значит, дядя Халилы ее покидал. Он определенно не хотел оставлять свою племянницу одну среди незнакомой и грязной толпы – они и правда были грязными в тот момент, учитывая, что находились в душном поезде, – однако дядя ушел с высоко поднятой головой.

Джесс вежливо кивнул ему на прощание, затем обернулся и подмигнул Халиле. Она его проигнорировала. Она увлеченно разговаривала о чем-то с Глен, девчонкой из Уэльса, хотя Джесс понятия не имел, какую общую тему для разговора могли найти эти две девушки. Глен выглядела настолько простой, насколько Халила – симпатичной, а ее поведение казалось грубым, в то время как арабка была грациозной и очаровательной. «Но у каждого свои вкусы», – подумал Джесс. Они с Томасом играли в карты, которые привлекли к ним еще несколько игроков за последние несколько часов. Даже один из служащих Библиотеки с серебряным браслетом присоединился к ним, и, несмотря на то что его английский звучал резковато и выдавал китайский акцент, он ни разу не упустил возможности повисить ставки, так что Джесс проиграл половину своих денег, прежде чем выйти из игры

и поспать.

К моменту же, когда Джесс проснулся, Томас отыграл большую часть их денег и глядел по сторонам с невинным ангельским личиком, а поезд уже приближался к египетской Александрии.

Джесс оказался не единственным, кто уставился в окно с широко открытыми глазами. Почти все в вагоне делали это, даже взрослые с браслетами на запястьях. Потому что на этот город... невозможно было не смотреть.

Они прибыли на станцию Миср, белый мрамор и желтовато-бежевый отделочный камень которой сияли, ослепляя полуденным солнцем. Сама станция возвышалась на три великолепных этажа, поддерживаемых резными колоннами. Статуи древнеегипетских богов возвышались примерно на ту же высоту. Когда поезд наконец остановился, они уперлись взглядом в массивные ноги Гора, бога с головой сокола, и Джесс изогнул шею, чтобы рассмотреть его получше. Клюв на голове Гора загораживал солнце, а золотые лепестки и голубая эмаль отделки блестели на нем ярче, чем что-либо, что Джесс видел в своей жизни прежде.

– Восхитительно, – замороженно выдохнул Томас. – Как думаешь, он автоматизированный? Такого-то размера.

Джесс содрогнулся от этой мысли и ответил:

– Не дай бог.

Томас вскочил на ноги, поднял свою сумку (которая была в два раза больше чемодана Джесса, как и сам Томас самого

Джесса) и поспешил к выходу. Томас спрыгнул на платформу быстрее, чем Джесс успел вытащить свой чемодан из-под сиденья. Однако Джесс быстро догнал немца, и тут его ноги помимо его воли остановились. Оба парня стояли, замороженные атмосферой города. Солнце, казалось, светило здесь иначе: безжалостно горячее, но в то же самое время и ласковое. Влажный воздух, дующий со стороны океана, трепал Джессу волосы, высушивая пот, которым он покрылся уже с головы до ног. А безмолвные, величественные боги, выстроившиеся в ряд, тянулись, как казалось, на километры вперед, и каждый из них был особенным. «И у каждого из них своя история, – подумал Джесс. – Мне нужно их знать». И что самое чудесное – он *мог* их теперь узнать. Он мог узнать и прочесть обо всем на свете, находясь здесь.

Перед ним открывалось бесконечно много возможностей.

Халила присоединилась к ним, внезапно осознал Джесс, и тоже теперь смотрела по сторонам, не скрывая своего восхищения. Даже Глен, похоже, была поражена, когда наконец спустилась по ступенькам из вагона и ступила на новые, чужие, враждебные земли.

Все здесь казалось таким *чистым*.

Вскоре вокруг них образовалась толпа из новоприбывших учеников. Может, просто потому, что Томас был высоким и привлекал внимание, как шест. Когда Джесс огляделся по сторонам, он понял, что их не меньше тридцати человек, и все замялись, не зная, что делать дальше... пока наконец из

тени ног Гора к ним не вышел какой-то мужчина.

Он тут же привлек их внимание: черная мантия служителя Библиотеки висала вокруг его простого черного повседневного костюма. Золотой браслет поблескивал у него на запястье, украшенный элегантно иероглифами с печатью Библиотеки. Его темные, длиной до плеч волосы были зачесаны назад и открывали жесткое и умное лицо. Карие глаза и кожа орехового оттенка. Все прибывшие студенты тут же затихли, когда он подошел к ним, и быстро собрались в группу. «Точно газели перед львом», – подумал Джесс.

Служитель окинул их безжалостным оценивающим взглядом. Тишина становилась все тяжелее, и Джессу уже казалось, этим свинцовым молчанием можно разбить каменные ноги несчастного Гора. В конце концов мужчина заговорил:

– Меня зовут профессор Кристофер Вульф, и, как я понимаю, вы наши новые студенты. Давайте начистоту: большинство из вас может прямо сейчас развернуться и отправиться обратно домой. У меня есть шесть свободных должностей, *если* я вообще захочу кого-то брать на них, в чем я сомневаюсь. Кто-нибудь желает забронировать обратный билет и не тратить силы и время?

Никто не двинулся с места, хотя несколько человек шелохнулись, словно раздумывали об этом. Но не Джесс. Не Томас, не Халила и не Глен. Они все стояли как вкопанные. «Пока что», – подумал Джесс.

Все только что стало еще интереснее.

Записки

Текст письма Томаса Пейна с американских земель, написанного в 1795 году. Отправлено в Черные архивы; недоступно для прочтения в кодексе. Доступ строго контролируется.

Помечено как ПРОВОКАЦИОННОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

У обучения три стороны: информация, знания и мудрость. Накопление информации еще не знание, а хранение знаний далеко от мудрости.

Библиотека считает, что владеет и знаниями, и мудростью, однако это неправда. Нельзя держать столь многое в руках столь немногих людей, поскольку страсть к власти есть естественная и пагубная привычка, присущая людям. А знания – это подлинная форма силы.

Хранители измеряют знания и прогресс в каплях и крупинках и сравнивают свой долг перед людьми с долгом родителей перед младенцем. Как родитель будет защищать своего ребенка от опасностей, так и Библиотека стремится защитить нас от того, что она считает опасным знанием.

Однако не существует мудрости без знаний, нет прогресса без опасности, а я не дитя Библиотеки! Я должен овладеть собственной информацией, накопить собственные знания и с помощью опыта переплавить их в золото мудро-

сти.

С этой целью я говорю, что величайшее благо, которое может быть сотворено для человечества, – разрушить двери Великой библиотеки и забрать все хранящиеся там знания, чтобы потом распространить их повсюду. Ибо, несмотря на то что история Библиотеки обширна и глубока, даже величайшее изобретение может обратиться против своих создателей. И поэтому само учреждение, которое, как мы думали, принесет миру много света, вместо этого утопает во тьме и провозглашает эту тьму истинным солнцем. И мы, бедные слепые создания, поверили в эту ложь.

Сохранять знания важно, однако ставить Великую библиотеку превыше людей, превыше народов, превыше жизни? Это не есть мудрость.

Я не поверю, что жизнь стоит меньше чернил на странице. Пусть это будет наш общий возглас, наш боевой клич. Давайте кричать, где можем. Давайте поднимемся на борьбу с ложными идолами серапеумов, где бы они ни были воздвигнуты.

Давайте сожжем произведения, которые мы писали на протяжении всей своей жизни, прежде чем они отнимут их и запрут во тьме.

Давайте сожжем это все и принесем в мир новый свет.

**Примечание к тексту, написанное рукой
верховного архивариуса Алессандро Вольты в**

тысяча семьсот девяносто пятом году.

Американские земли превратились в зловонные джунгли, в которых разрастается опасная ересь. Сделайте все, чтобы искоренить ее любыми средствами, какие сочтете необходимыми.

Философия поджигателей должна быть уничтожена ради нашего спасения.

Глава вторая

Лондон для Джесса всегда был огромным современным мегаполисом. Он не мог представить ничего более великолепного, чем здания, которые будто бы упирались в низкое серое лондонское небо. Где-то глубоко в душе Джесс всегда верил, что нет лучше места на земле, чем его родной город.

Первым знаком ошибочности его представлений для него стал рассказ Томаса о том, что студенты Берлина часто сдают экзамен куда лучше, чем его сдал Джесс, но ведь это же могла быть просто случайность, решил он... Пока не начал разговаривать с остальными студентами и не узнал, что каждый из них – каждый до единого – был так же умен, как Джесс, а то и умнее.

А теперь еще и Александрия. Ох эта Александрия.

Лондон представлял собой собрание узких, кривых улочек, крошечных переулков и тупиков. Там постоянно сновали толпы народа. Грязь, казалось, никогда не сходила с тротуаров даже в самых чистых районах города. Лондон был прекрасен, однако его красоту затмевали пот и грязь людей, которые жили на городских землях на протяжении двух с лишним тысяч лет.

Александрия же, несмотря на ее длинную и бурную историю, сияла, точно небеса на земле. Все вокруг сверкало, и не было ни единого пятнышка на дорогах, а ширина улиц

позволяла паровым каретам продвигаться по ним свободно. И тротуары для пешеходов были просторными и тянулись вдоль старинных величественных монументов. Бесценные статуи вокруг, украшенные золотом, шептали о своем богатстве и значимости, и Джесса просто поразило то, что никто, похоже, не пытался пробраться сюда ночью, чтобы украсть какую-нибудь драгоценность. Даже бедняки, кажется, с благоговением относились здесь к прошлому. Каждое здание вокруг выглядело ухоженным и выкрашивалось свежей краской каждый год перед фестивалем, как узнал Джесс, а прямые улицы были украшены чудесными садиками, цветами, деревьями и фонтанами. Весь город буквально благоухал.

И люди здесь в основном соответствовали месту: экзотической внешности, опрятные, привлекательные и вежливые. Жители большого города.

Джесс почувствовал себя деревенским невежей, сравнивая себя с людьми, которых встречал по пути к своему новому дому. Профессор Вульф подозвал огромную карету, в которую уместились все разом, и, когда та плавно повезла их вдоль очаровательных улиц, Вульф встал в проходе между сиденьями и начал говорить:

– Вы будете жить в доме Птолемея, – сказал он. – К вам будут относиться здесь как ко взрослым, никаких детских правил, никто не станет с вами нежиться. Комнаты совмещенные. Дом не лопадется от роскоши. Там работают люди,

но они не ваши слуги, и они не станут убирать за вами. Завтра вы начнете свое обучение. Я все понятно объяснил?

Все стали выражать свое согласие, а затем громко его произнесли, когда профессор потребовал говорить яснее. Когда карета припарковалась, Вульф вышел первым и исчез еще до того, как Джесс успел придумать хотя бы один вопрос. Да и не то чтобы профессор Вульф стал бы на его вопросы отвечать, подумал Джесс.

Дом Птолемея и впрямь оказался непримечательным, это было небольшое здание рядом с Александрийским университетом. Никакой роскоши, как и сказал Вульф, однако Джесс за свою жизнь успел побывать в местах и похуже. Здесь было прохладно и чисто, и это все, что имело значение.

На стене в коридоре висел список имен с распределением по комнатам. Джесс нашел свою, открыл соответствующую дверь и затащил свой чемодан, а секундой позже рухнул от усталости на ближайшую к нему кровать.

Он даже не подумал, что это может быть не его кровать, пока дверь ванной комнаты не распахнулась и красавчик в красном халате не спросил на испанском:

– ¿Quién diablos es usted? Это еще что за черт? – Багряный оттенок его халата отлично сочетался с его бронзовой кожей, а его глаза были почти такие же темные, как его волосы.

Джессу уже хватило знакомств на сегодня, однако он заставил себя подняться и сесть, стер пот с руки, а затем протянул руку незнакомцу.

– Джесс Брайтвелл, – сказал он. – Меня заселили в эту комнату.

– Нет, – сказал парень. – У меня личная комната. Проваливай.

Это был конец. Холодных слов, прозвучавших в ответ, было достаточно. Джесс медленно опустил руку и на миг задумался, как лучше поступить, но потом просто позволил себе упасть обратно на подушку. Та была такой мягкой.

– Я слишком устал для ссор, приятель, – сказал Джесс. – Так что объявляю эту кровать английской территорией.

Тишина длилась ровно пять секунд, а потом испанец схватил Джесса за ворот рубахи, дернул обратно на ноги и бросил на пол.

– Убирайся! – сказал он, показав белые зубы. – Последнее предупреждение. Это моя комната. Я ни с кем не делюсь.

Джесс сгруппировался, да и удар был не слишком сильный. Этот юноша определенно не умел драться по-настоящему. Вероятно, он родился в богатой семье и привык к тому, что окружающие уступают ему все, чего бы он ни пожелал.

Джесс поднялся на колени, а затем встал и со всей силы толкнул парня, впечатав его в стену и приставив локоть, как дубинку, к его горлу.

– Давай начнем сначала, – сказал Джесс и теперь уже сам оскалился. – Я живу здесь, потому что так написано в чертовом списке внизу. Если эта кровать твоя, то я прошу прощения и займу другую. Договорились? – Он выделил послед-

нее слово, придвинувшись ближе. Испанец попытался вывернуться, но ему не удалось это сделать, и их глаза встретились. Очевидно, он увидел, что Джесс не шутит.

– Забирай эту кровать, – сказал парень. Его голос звучал сдержанно и натянуто под локтем Джесса. – Твой пот теперь все равно по всему одеялу. Я к нему не прикоснусь.

– Отлично. – Джесс отступил, выпрямившись. Он снова протянул парню руку. – Начнем сначала. Джесс Брайтвелл.

Испанец тарачился на Джесса, его лицо помрачнело еще больше, но затем он все-таки крепко пожал Джессу руку.

– Дарио Сантьяго, – сказал он. – Мы не подружимся.

– Скорее всего, нет, – согласился Джесс. – Но мы все же будем жить в одной комнате.

Губы Дарио внезапно изогнулись в искренней веселой улыбке, когда он ответил:

– Тебе и это может не понравиться в конечном итоге.

* * *

Джесс думал, что Библиотечные занятия будут проходить, что было бы логично, в библиотеке, однако институт оказался куда больше и массивнее, чем любое другое здание. Джесс ожидал, что ему предстоит пережить много уроков, домашних заданий и экзаменов, точно как это было в Лондоне в средней школе под управлением Библиотеки.

Однако профессор Вульф оказался не столь предсказуе-

МЫМ.

Следующим утром на рассвете по всему общежитию зазвенел звонок, разбудив Джесса. Он не чувствовал себя ни капли отдохнувшим, все тело до сих пор болело от усталости. Он даже не разобрал еще вещи и потратил немало времени, чтобы открыть замок на своем чемодане, пока наконец не проснулся окончательно и не вспомнил, как это делается. Вся его одежда в чемодане пахла сыростью, Лондоном, и на миг Джесса даже охватила тоска по родному дому, но он скучал не по своей семье, а по знакомым и давно привычным ему местам.

Взяв чистые брюки, рубашку, нижнее белье и жилет, Джесс поспешил в ванную.

Слишком поздно. Дарио уже был там и запер дверь. Джесс вздохнул, нетерпеливо прохаживаясь под дверью, пока Дарио наслаждался долгими минутами в ванной. И Джесс все еще ждал, когда Томас постучал во входную дверь, приоткрыл ее и произнес:

– Идешь, англичанин? А то опоздаешь!

– Я все еще жду своей очереди в душ! Он нерасторопнее моей матери.

– Лучше поторопись. Профессора Вульфа лучше не заставлять ждать.

Определенно. Это ему стало ясно при первом же взгляде на профессора на перроне. Джесс тихо выругался и разделся, а Томас вежливо отвернулся при этом. Джесс уже натяги-

вал ботинки, когда Дарио наконец щелкнул дверной ручкой и вышел из ванной комнаты, окруженный пахнущим хвоей облаком пара. Он выглядел бодрым, свежим и вообще идеальным, истинный джентльмен.

Джесс чувствовал себя грязным, дворовым мальчишкой, однако натянул ботинки и пошел к выходу. Томас сделал шаг в сторону, пропуская Дарио, и вопросительно вскинул свои светлые брови, посмотрев на Джесса, и спросил:

– Не поладили?

– Даже не спрашивай, – проворчал Джесс.

– В следующий раз просыпайся раньше его, – сказал Томас.

– Спасибо, что посоветовал очевидное.

Томас лишь усмехнулся и распахнул дверь. Он был таким высоким, что Джессу почти не было нужды нагибаться, чтобы пройти под его вытянутой рукой.

В общей комнате на первом этаже собралась уже целая толпа, и Джесс почувствовал себя еще хуже, осознав, что все выглядели свежими и причесанными. Он попытался уложить свои волосы пальцами, надеясь создать хоть некое подобие прически, однако покачавший рядом головой Томас дал ясно понять, что попытки Джесса провалились.

Профессор Вульф не прибыл к ним. Вместо себя он прислал высокого мужчину, одетого в строгий черный наряд с золотым браслетом сотрудника элитного библиотечного полка на запястье. Оружие, висевшее у мужчины на поясе, вы-

глядело отполированным и, похоже, часто используемым.

Томас толкнул Джесса локтем и, наклонившись, шепнул на ухо:

– Он библиотечный солдат!

– Я знаю, – шепотом ответил Джесс. – Только что он тут делает?

Томас пожал плечами.

– Может, должен припугнуть нас? – предположил он.

Похоже, дело и впрямь было в этом, потому что мужчина посмотрел на всех равнодушным, отстраненным взглядом, который пугал больше, чем если бы был яростным. Быстро всех сосчитав, он сказал всего два слова:

– За мной.

Затем он пошел по коридору, и студентам ничего не оставалось, как поспешить следом.

Снаружи на этот раз не было никакой кареты, и солдат элитного войска повел студентов по бульвару быстрым, уверенным шагом. Солнце только всходило над горизонтом, однако воздух уже был на удивление горячим и влажным, и одежда, в которой Джесс чувствовал себя вполне уютно в Лондоне, вскоре заставила его вспотеть под александрийским солнцем. Джесс подумал, что, может, и хорошо тогда, что он не успел сходить с утра в душ, потому что, пока его одежда пропитывалась потом, так же потели и остальные, даже Дарио, и к тому моменту, как они остановились у незнакомого низенького здания, Джесс выглядел уже не хуже всех

Остальных.

Джесс понял, что они дошли до самого порта. Он увидел паромы позади низкой крыши и огромный пассажирский корабль, который приближался к докам, чтобы высадить прибывших в Александрию гостей. Джессу жутко хотелось на это посмотреть, он всегда любил гулять на шумной и оживленной набережной Лондона. Замах моря, наполовину свежий, наполовину зловонный, напоминал ему о родине.

Однако вместо пирса проводник повел их к тихому темному зданию с одним-единственным входом. Ни одного окна. Войдя внутрь, Джесс почувствовал себя так, словно шагнул в мавзолей... а потом еще и пол начал наклоняться, уходя вниз.

— Где мы? — спросил он у Томаса, однако его приятель-великан лишь покачал головой. Потолок здесь был таким низким, что Томасу пришлось ссутулиться. Стены были пустыми, без украшений, но с грязными разводами. Пахло какими-то химикатами. Однако Джессу некогда было думать об этом, потому что провожатый вел их дальше бодрым шагом.

Затем внезапно они очутились в просторном зале с высокими потолками. Джесс сделал три шага внутрь и замер, вскинув голову, чтобы полюбоваться сводчатым потолком. Кто-то толкнул его сзади, и он отошел в сторону. Зал был круглым и, как и коридор, без каких-либо декораций. Их маленькая группа из тридцати человек не заняла здесь много места.

Помещение казалось просто огромным, однако совершенно пустым. На стенах виднелись точно такие же, как в коридоре, грязные разводы, а в воздухе по-прежнему витал резкий запах химикатов. Джессу этот запах что-то напоминал, но он не мог вспомнить, что именно.

Все замерли в ожидании. Человек, который привел их сюда, исчез, оставив студентов одних, и все растерянно переглядывались. Джесс уже встречал большинство кандидатов на работу в Библиотеке, однако не смог припомнить имена большинства. Лучше всех он знал, разумеется, Дарио и Томаса. Потом заметил Халилу, стоящую в стороне, она была в свободной накидке с капюшоном и выглядела бодрой и спокойной, а девчонка из Уэльса, Глен, точно башня, возвышалась на десяток сантиметров над остальными девушками.

Никто не разговаривал. Некоторые переминались с ноги на ногу после длительной прогулки, однако все понимали, что болтать здесь не стоит.

Наконец профессор Вульф появился в дверях единственного входа и вышел в центр зала. Он выглядел точно так же, как и вчера на вокзале: в темной одежде, опасный и нетерпеливый. Посмотрев на каждого по очереди, он заговорил:

– Здесь пройдет ваш первый урок. Вы стоите в первой дочерней библиотеке Александрии, в самом первом серапеуме. В этом здании копии произведений Великой библиотеки стали впервые доступны для чтения каждому, кто приходил сюда... даже женщинам, хотя такая практика и не была широ-

ко распространена в те времена. Александрия стала первым местом на земле, которое позволило и, более того, поощряло просвещение простого народа. Первым местом, которое стало обучать всех, невзирая на статус, вероисповедание, пол и убеждения. Вы стоите в месте, где зародилась наша Библиотека.

Профессор Вульф сделал паузу, давая студентам возможность осознать значимость его слов, и Джесс физически ощущал тяжесть сказанного. Стены определенно отреставрировали, однако полы не тронули. Камень под ногами был древним, отполированным миллионами ног, которые здесь ходили. «Может, сюда даже ступал Архимед, – подумал Джесс. – Может, он написал здесь ту самую первую копию «О создании сферы», сидя за столом прямо в этом зале».

По спине у Джесса побежали мурашки, ему вдруг показалось, что его окружают призраки.

– Я здесь, чтобы рассказать вам, кто мы такие. Чем мы занимаемся. И начнем мы на месте, где Великая библиотека сделала свои первые шаги к тому, во что превратилась сегодня. – Профессор Вульф снова сделал паузу, оглядывая столпившихся студентов. – Вы понимаете, что подразумевает под собой работа библиотекаря?

Вопрос казался простым, и многие подняли руки. Профессор Вульф вздохнул.

– Вы не дети, – сказал он, – я не стану хвалить вас за попытку. Говорите, если знаете ответ.

Голоса отвечающих слились воедино. Профессор Вульф оглядел всех и ткнул пальцем.

– Ты, – сказал он. – Сделай шаг вперед, скажи свое имя и говори, что думаешь.

Симпатичная девушка с блестящими рыжими волосами и уверенной улыбкой грациозно вышла вперед.

– Анна Бригстром, сэр, из Дании. Библиотекари заведуют дочерними библиотеками, которые называются серапеумами.

– Кандидат Бригстром, я не спрашивал, откуда вы. Здесь это не имеет никакого значения, потому что, когда вы поступаете на службу в Библиотеку, она становится вашим домом. А мы – вашей семьей. – Профессор Вульф сделал паузу, и его глаза зловеще блеснули. – Если вы считаете, что проделали такой длинный путь сюда, чтобы научиться обыденным вещам вроде того, как составлять рабочее расписание или верно заполнять формуляры, тогда вы ошиблись местом. Хорошо натренированная мартышка могла бы управлять дочерней библиотекой, ибо эта работа есть не что иное, как отражение того, что происходит здесь, в Александрии. Шаг назад.

Анна Бригстром уже не улыбалась, и уверенность с ее лица исчезла, когда она отошла, скрывшись в толпе.

Вперед вышел следующий, и Джесс в следующую секунду узнал Халилу.

– Кандидат Халила Сеиф, сэр. Мы здесь не для того,

чтобы учиться управлять библиотеками. Мы здесь, чтобы узнать, как устроена сама Великая библиотека.

Профессор Вульф смотрел на нее в течение нескольких долгих секунд, затем резко кивнул.

– Верно, – согласился он. – Шаг назад, кандидат Сеиф. В целом Библиотека существует, потому что это выгодно каждому народу в мире, потому что Библиотека не выбирает любимчиков и ни на кого не полагается. Ей потребовалось немало времени, чтобы освободиться от тирании политиков, королей и священников. Чтобы накопить достаточно средств и сил для защиты того, что мы имеем сейчас. Однако самое главное, что потребовалось, – это чудо. Что же это было за чудо?

Джесс воспользовался шансом и сделал шаг вперед.

– Джесс... Кандидат Джесс Брайтвелл, сэр. Открытие зеркал. – Он постарался ответить как можно короче. Профессору Вульфу полагалось читать лекцию, а если Джесс начнет разглагольствовать, то наверняка об этом пожалеет. Когда профессор Вульф кивнул, Джесс сделал шаг назад.

– В тысяча двадцать девятом году серапеум в городе Рей в Персии был почти полностью уничтожен, и более пятидесяти тысяч оригинальных произведений оказались потеряны. В жутком огне пропали знания, собираемые тысячелетиями. Мы благодарим четыреста второго лидера Великой библиотеки, верховного архивариуса Аккадеви, за открытие зеркал, с помощью которых содержание любой книги, любого свитка

и совершенно любого документа может быть вписано в стандартный библиотечный бланк. Какова польза зеркал? Ты. – На этот раз Вульф не стал ждать желающего ответить. Он сам выбрал одного из толпы.

– Кандидат Глен Уотен, сэр. Это избавило Библиотеку от риска уничтожения книг и свитков. Даже если бланк будет поврежден или потерян, его копию снова можно будет получить в библиотеке.

– Верно. Уничтожение серапеума в Рей научило нас тому, что расчетливая политика и бездумная агрессия – не забывайте, эти два фактора очень часто идут вместе – являются величайшей угрозой просвещению. «Доктрина об отзеркаливании» стала первым огромным преимуществом библиотеки, это основа всего, что мы построили в дальнейшем. Она обеспечила защиту знаниям и в то же самое время дала доступ к ним всем, а это бесспорное благо. Однако что же случилось потом?

В первый миг никто не вышел из толпы, чтобы ответить, и сам Вульф ни на кого не указал пальцем. Он терпеливо ждал. Наконец вперед шагнул Томас, стоявший рядом с Джессом, и, прочистив горло, сказал:

– Кандидат Томас Шрайбер, сэр. Следующей изданной доктриной стала «Доктрина о владении».

– «Доктрина о владении» утверждает, что Великая библиотека, ради защиты и сохранения знаний, доверенных миру, должна сама обладать этими знаниями. Так что же это

значит, кандидат Шрайбер?

– Закон запрещает кому-либо иметь в своем распоряжении оригиналы книг, сэ, – сказал Томас.

– Запрещает, – повторил профессор Вульф. – Согласны ли вы с этой доктриной, кандидат Брайтвелл?

Джесс вздрогнул. Он совсем не ожидал, что его спросят о подобном. Он снова шагнул вперед. Томас, похоже, не понимал, следует ему отойти или стоять на месте, поэтому они оказались рядом. От этого Джессу стало немного спокойнее.

– Сэр? – переспросил Джесс, все еще сомневаясь.

– Я спрашиваю, каково ваше мнение относительно данной доктрины, – пояснил профессор Вульф. – Считаете ли вы, что будет неправильным обладать оригинальной версией книги?

«Разумеется». Джесс знал, как полагается ответить на подобный вопрос. Это был простой ответ. Библиотека никогда не ошибалась. Однако все же что-то заставило его сказать:

– Я не уверен.

От этого глаза Вульфа сверкнули.

– Почему же? – поинтересовался профессор.

– Я бы хотел иметь настоящую книгу, – сказал Джесс прямо и честно. – Чувствовать тяжесть истории в своих руках. Бланк не то же самое, сэ.

– Нет, – согласился профессор Вульф. – Бланк – бледная имитация книги, однако слова в нем написаны в том же самом порядке. В этом и разница между идеей и материальным

предметом. И некоторые желают заполучить материальный предмет, не важно, легальным или нелегальным способом. По этой причине и существуют темный рынок, черные продажи и лизуны чернил.

У Джесса все заледенело внутри, ему показалось (может, и зря), будто эти слова профессора Вульфа были адресованы ему. Будто Джесс не мог скрыть того, кем он являлся и откуда прибыл.

Профессор Вульф жестом приказал Джессу и Томасу вернуться в ряд остальных студентов, и Джесс испытал огромное облегчение. Затем Вульф зашагал вокруг группы, смотря каждому студенту в глаза.

– Несмотря на то что «Доктрина о владении» казалась логичным решением, – снова заговорил он, – она привела нас к тому, что сегодня мы живем в нестабильном мире. Все началось с простой сентиментальности: люди начали прятать книги в своих домах – подарки, полученные от предков, или любимые произведения. Однако затем из этого начали извлекать выгоду. Книги стали красть целыми фургонами. Каждый раз, когда совершались новые открытия и находили новые оригинальные труды, начиналась гонка между преступниками и библиотекой, жаждущими заполучить их. Если что-то попадало на черный рынок, оно могло исчезнуть навсегда – уничтожалось, терялось, выкрадывалось. Так человечество лишалось ценных знаний.

– А что насчет поджигателей? – кто-то поинтересовался

тихим голосом.

– Выйдите вперед, кандидат.

Худенькая юная девушка с блестящими черными волосами и тонкими чертами лица японки отделилась от толпы и слегка поклонилась профессору Вульффу.

– Идзуми Химура, – представилась она. – Разве поджигатели не являются большей опасностью, чем контрабандисты, сэр?

– Объясните, почему вы так полагаете.

– Контрабандисты хотят сохранить оригиналы произведений, в этом заключается их работа. Для поджигателей же книги – лишь инструмент политики, потому что они желают отнять власть у Библиотеки.

– Ваше умозаключение не точно, Химура. Вам следует копнуть глубже и узнать об истоках движения поджигателей. Однако я не стану заставлять никого из вас беречь эту рану сегодня. Поздравляю, кандидаты. Вы неплохо справились с первым уроком.

Джесс слышал, как все с облегчением выдохнули. Он почувствовал, как и сам выдыхает. Стоять под взглядом профессора Вульфа, который пронзал, словно кинжалы, было все равно что быть порезанным на кусочки живьем.

Студенты стали двигаться к единственному выходу, однако вскоре все замерли, потому что человек, который привел их сюда, преградил им путь, скрестив на груди руки.

Голос профессора Вульфа прозвучал злобно и насмешли-

во одновременно, когда он сказал:

– Разве я разрешал вам уйти? Никогда не думайте, что вы свободны, пока я не скажу вам об этом прямо. Вы сможете уйти отсюда, когда решите задачу, которую я для вас оставил. Предупреждаю, время ограничено. Так что лучше бы вам найти опасность поскорее. Попробуйте работать сообща.

Затем Вульф двинулся сквозь толпу, пронзая ее, словно нож масло, и они с охранником скрылись в коридоре.

– И что мы должны делать? – Голос рыжеволосой Анны прозвучал раздраженно. – Он даже не сказал нам, в чем состоит задание!

Джесс посмотрел по сторонам и понял, что зал выглядел по-прежнему непримечательно и неинтересно. Только один выход. Ни одного окна.

– И что он имел в виду, говоря об опасности? – спросил Дарио. – Тут ничего нет. Пустая комната.

Джессу не хотелось это признавать, но Дарио, казалось, был прав. Студенты рассредоточились, осматривая стены. Глен прикоснулась к пятну на стене и нахмурилась, потирая что-то между пальцами. Затем понюхала их.

– Это что-то странное, – сказала она. – Маслянистое. Химикаты.

– Да, все помещение этим провоняло, – согласился Дарио. Он подошел оглядеть то место на стене, которое она рассматривала. – Если бы они считали это место священным, то сле-

дили бы за чистотой получше. Но все равно, разве грязь чем-то опасна? Пожалуй, мы можем ей только испачкаться.

«Это подсказка», – понял Джесс. Это здание было первым, что Джесс видел в Александрии, которое не сияло от чистоты. Почему здесь так грязно? Ведь профессор Вульф сказал, что это священное место.

И этот странный запах все еще казался Джессу знакомым. – Эти пятна могли остаться от факелов. Может, здесь проходили какие-то церемонии в древности, – сказал один из студентов. Неплохая догадка, однако Джессу все равно это казалось очень и очень неправильным. Напряжение нарастало у него в груди, и сердце начало стучать чаще. Его тело понимало что-то, что его мозгу, похоже, еще только предстояло осознать.

В чем был смысл сегодняшней лекции профессора Вульфа? Он рассказывал им об оригиналах произведений. Оригинальные книги были уничтожены во время поджога сарапеума в городе Рей. Затем профессор говорил о разработке кодексов и бланков. И снова об оригинальных книгах.

Об опасности иметь настоящую книгу в своем распоряжении. О краже.

О поджигателях.

Джесс поднял голову, потому что все остальные, казалось, смотрели только вниз... и увидел, что панель, которая беззвучно открывала центр сводчатой крыши, а также круглая бутылка, привязанная к ней, медленно вращаются. Сложно

было разглядеть что-то так высоко, однако Джесс все же увидел зеленую жидкость едкого цвета, которая наполняла бутылку.

Все вмиг похолодело у него внутри.

– Уходите! – крикнул он и толкнул Томаса, который растерянно стоял рядом с ним. – Уходите сейчас же! Ну же!

Томас вытаращился на него.

– Но профессор Вульф сказал...

– Просто беги! Уходи!

Он силой поволок Томаса, пихая настолько ярко, насколько мог, и дернул за руку других студентов, попавшихся ему на пути к выходу, все начали возмущаться. Дарио отдернул руку и оскалил свои идеальные белые зубы, сказав:

– Я никуда не пойду, идиот. Можешь специально провалить задание, если желаешь, но я остаюсь. Нам оставили загадку, и я собираюсь ее разгадать.

Джесс встретил его взгляд и сказал тихим голосом:

– Я уже разгадал. – Он указал наверх. – Там висит бутылка с греческим огнем, который используют поджигатели. Она может упасть в любой момент, а судя по запаху и состоянию этого помещения, бутылки падали здесь и раньше. А теперь помоги мне всех вывести!

Дарио метнулся к выходу быстрее, чем Джесс смог бы представить, и стал выводить остальных, невзирая на их возмущение. Джесс поспешил следом. Он мог легко представить, как эта бутылка летит вниз, как она падает и разбива-

ется о гладкую поверхность отполированного пола, а затем взрывается, окутывая все своим ядовитым пламенем.

Однако никакого пламени в реальности не вспыхнуло.

Вместо этого, когда Джесс вышел из темного коридора на улицу, залитую палящим александрийским солнцем, он обнаружил, что студенты собрались в тени, отбрасываемой соседним высоким зданием, а профессор Вульф и страж из элитного библиотечного полка следят за временем.

– Все вышли, – сказал солдат. – Неплохо.

– Но и не хорошо, – заметил профессор Вульф. – Однако можно считать это приемлемым исходом.

Джесс уставился на профессора Вульфа, распахнув глаза так широко, что ему казалось, те сейчас выпадут.

– Вы могли нас всех убить! – воскликнул он.

– Не всех, только тех, кто двигается слишком медленно, – ответил Вульф. – Даю вам балл за то, что вы первым заметили бутылку, кандидат Брайтвелл.

– Откуда вы знаете, что ее заметил он? Вас там не было! – это, разумеется, сказал Дарио.

Профессор Вульф одарил испанца долгим молчаливым взглядом, а затем сказал:

– Потому что мне об этом доложил человек, который наблюдал за вами с вершины крыши, так что не пытайтесь убедить меня, что это вы заслуживаете похвалы, Сантьяго. Брайтвелл. Один вопрос вам: почему вы просто не выкрикнули предупреждение, чтобы призвать всех покинуть поме-

щение?

– Если бы я начал кричать о греческом огне в помещении с таким узким выходом, все бы резко бросились бежать и получилась бы давка. Тогда никто бы из нас не выжил.

– Это верно, – согласился профессор Вульф. – Однако жизнь сама по себе опасна.

Шаг вперед сделала Халила, она выглядела испуганной и бледной.

– Вы бы и правда бросили ту бутылку? Если бы никто из нас ее не заметил?

– Не в первый же день, – ответил профессор Вульф пугающе спокойным тоном. – На этом урок заканчивается: контрабандисты отхватывают по кусочку библиотеки раз за разом, пытаясь сожрать ее, как термиты дерево, однако вам необходимо быть всегда начеку, когда дело касается поджигателей. Некоторые из вас прибыли из тех стран, где их ересь процветает, некоторые из тех, где этой ереси нет. Но это не имеет никакого значения. Главная задача библиотекаря в том, чтобы сохранять и защищать книги. Иногда ради этого приходится отдать жизнь – или позволить другому человеку умереть за вас. *Tota est scientia.*

«Знания – наше все» – это был слоган Великой библиотеки, и все шепотом повторили его в ответ, как повторяли всегда в школе.

– А теперь. Все, кроме Сеиф, Сантьяго, Уотен и Брайтвелла, вытащите номерок из чашки. На них числа от одного

до шести.

Солдат протянул студентам маленькую керамическую чашку, наполненную фарфоровыми номерками. Он передал ее студентам, каждый вытащил по номеру. Томас безмолвно уставился на цифру, которую он вытянул, а потом покосился на Джесса, надеясь, что тот ему подскажет. Джесс не знал, чем помочь.

Затем солдат достал из кармана игральные кубики из слоновой кости и передал их профессору Вульф. Вульф потряс кубики и бросил на плитку под ногами.

– Все, кто вытащил двойки и пятерки, выйдите вперед, – сказал он.

Всего двое студентов вышли из толпы. Одним из них оказалась рыжеволосая Анна. Солдат забрал у них номерки и сунул обратно в чашку.

– Собирайте вещи, – сказал профессор Вульф. – Вы возвращаетесь домой. С вами мы закончили.

– Но мы... – Анна побледнела. – Но мы же только приехали! Это наш первый день! Это нечестно!

– Абсолютно честно и не случайно. Только Сеиф и Уотен полностью и корректно ответили на мои вопросы, только Брайтвелл заметил греческий огонь, опасность, которую все библиотекари должны замечать всегда и везде. И я избавил Сантьяго от этой участи за его помощь в эвакуации студентов из зала. Остальные никак себя не проявили, и сам факт того, что я не выгнал всех сразу же, лишь доказывает мое

великодушие.

– Я... я буду жаловаться! – возмутилась Анна. – Вы не имеете права так поступать!

– Разумеется, вы можете пожаловаться. Верховный архивариус всегда рад послушать нытье избалованных детей, которые считают, что с ними поступили несправедливо. Однако, если он решит, что я поступил именно так, как имел право поступить, вас оштрафуют за трату его времени, вам не вернут деньги, заплаченные за обучение, и вы будете сами платить за билет домой. Насколько вы уверены в своей правоте?

Джессу стало жалко Анну, и одновременно его охватил дикий страх, когда он снова посмотрел на бледные лица двух студентов, которых выгнали в первый же учебный день. «Я все еще здесь лишь благодаря воле божьей, – подумал Джесс. – И благодаря тому, что недавно случайно столкнулся с поджигателем».

В общежитие все шагали в полной тишине. Джессу не терпелось вернуться в свою комнату, достать ручку и описать в красках в личном журнале зарождающуюся в нем ненависть к профессору Вульффу.

* * *

Первый день обучения в Библиотеке позволил всем четко понять, чего стоит ожидать. Профессор Вульфф проявил се-

бя как безжалостный учитель, бесчувственно выгоняющий всех, кто, как он полагал, зря тратит его время. Первая неделя состояла из череды отчислений. Из тридцати двух студентов, которые заселились в дом Птолемея, двенадцать за это время отправились обратно домой. Один уехал по своей воле, не сказав никому ни слова. Джесс его отчасти понимал. Он чувствовал себя постоянно напряженным, как будто к его голове было приставлено ружье, и он понимал, что сломить его дух ничего не стоит.

Однако Джесс не привык проигрывать.

Профессор Вульф больше не приглашал их в старинное здание... по крайней мере в первую неделю. Он проводил занятия в аудитории Александрийского университета, в обычном классе, где непрестанно проверял студентов на выносливость, одному за другим задавая свои вопросы с подвохом и расспрашивая об истории создания Библиотеки. После того как Джессу удалось миновать исключения в первый день, он стал трудиться с двойным усердием.

То же самое делали и остальные. Даже Дарио.

– Это глупо, – жаловался Сантьяго следующим вечером. Было уже чертовски поздно, и все тело Джесса ныло от усталости. Очевидно, звонок был установлен так, чтобы звенеть и будить всех каждый день на рассвете, и уроки начинались еще до того, как кто-либо мог как следует проснуться. И количество заданий, которые они получали, не оставляло много времени на сон. – Я думал, он сказал, что мы будем по-

лучать настоящие навыки. Однако все, что он делает, – это вдалбливает нам в головы бред. Разве есть кому-то дело до того, как звали сорок второго руководителя инженерного отдела Артифекса?

Халила подняла палец, не отрывая глаз от бланка, который читала. Она заняла кресло в углу, а Джесс сидел у гладкой белой стены, прямо на полу, поджав ноги, у камина.

– Серенпет, – сказала она.

– Откуда ты это знаешь? – поинтересовался Томас. Даже он, обычно улыбчивый, теперь выглядел удрученным и уставшим. – А всех остальных архивариусов ты тоже можешь назвать по именам?

– В моем доме любили учиться, – ответила Халила. – И меня особо не интересовали более традиционные хобби вроде готовки. Так что да. Я могу назвать всех по именам. Тебе, пожалуй, тоже стоит их выучить.

– Лучше уж я буду слушать уроки по истории, чем глупые лекции о контрабандистах, – сказал Дарио. – Вот о них информация мне точно никогда не пригодится.

– Служители библиотек часто изучают черный рынок и теневые продажи в поисках редких книг, – сказала Идзуми. – По крайней мере, в моих краях. Разве в ваших странах подобным делом не занимаются? Или у вас все такие добродетельные и никто не продает оригинальные книги?

– Ну, это же все равно что целоваться с сестрой, – сказал Дарио. – Если у тебя плохой вкус и тебе это нравится, ты не

будешь об этом рассказывать направо и налево.

Халила засмеялась и потянулась к чашке чая, стоявшей на столике перед ней.

– Я не боюсь об этом рассказывать. Я слышала, что неподалеку от причала есть процветающий черный рынок. Даже слышала пару имен.

Джесс очень надеялся, что она преувеличивает. Халила выглядела самой что ни на есть честной девушкой, однако порой ее рассказы выходили за грань.

– Тебе лучше держаться подальше от этих людей в таком случае, – сказал Джесс. «И мне тоже, ради моего же блага», – добавил он про себя. Ведь эти люди были его коллегами в конце концов. И он тоже знал их имена. Отец дал ему целый список имен и адресов, перед тем как проводить сына на поезд в Александрию, и Джесс до сих пор повторял эти имена мысленно перед сном каждую ночь.

– Я девушка со множеством талантов, – сказала Халила ему в ответ. – И один из них в том, что я думаю о своем будущем. Если я стану профессором и служителем Библиотеки, как Вульф, мне понадобятся подобные источники информации, верно?

– Они плохая компания, – сказал Дарио. – Совсем не подходящая для невинного цветочка вроде тебя.

– Ты своими суждениями похож на моего дядю. Человек может быть одновременно невинным и смекалистым. – В этот момент Джесс подумал, что Халилу невозможно

невзлюбить, даже когда она говорит подобные вызывающие вещи. – Предупреждаю вас: хотя бы попытайтесь запомнить имена всех архивариусов. Профессор Вульф любит спрашивать такое.

– Мы и так пытаемся, – сказал Джесс. У него уже болели глаза, и он не мог перестать зевать. И то же самое можно было сказать об остальных находящихся в общей комнате, так что он слышал согласное ворчание вокруг себя. – Мы просто не схватываем все так же быстро, как ты, Халила. Но тебе, вероятно, и без нас это часто говорят.

– Разве я давала тебе разрешение называть меня по имени? – спросила она, однако это прозвучало как шутка, без оскорбления.

– Простите меня, кандидат Сеиф, – сказал Джесс и поклонился так низко, как только мог, в своем положении, – вашего глупого слугу.

– Наконец-то, – пробормотал Дарио. Он занял самое удобное кресло, вокруг которого собрались несколько его восхищенных почитателей. – Трубочист наконец сообразил, где его место.

Джесс поднял глаза и встретил взгляд своего соседа по комнате. Голос Дарио звучал вызывающе и цинично. И он, в отличие от Халилы, не шутил.

– О, я отлично знаю, где мое место, Дарио, – сказал ему Джесс. – В очереди перед тобой. Сколько, ты говорил, набрал баллов за экзамен?

По комнате разнесся приглушенный смех, а Халила улыбнулась. Дарио замолчал и отвернулся.

Однако, разумеется, он не забыл об этом.

Джесс уснул, как убитый, когда ему наконец удалось добраться до своей кровати, и это оказалось ошибкой. Когда он проснулся на следующее утро, после жалкого отдыха в три часа, звонок уже звенел в полумраке коридоров, а кровать Дарио пустовала. Джесс опять упустил свой шанс сходить в душ.

Когда же Джесс открыл свой сундук, чтобы взять чистую одежду, тот оказался пуст.

Изумление завладело сначала пятками Джесса, потом волной прокатилось к самой голове, а затем снова окатило его до ног. Он проснулся моментально. «Ублюдок». Джесс подумал о том, чтобы вышибить дверь ванной ногой и выволочь Дарио мокрого и голого, чтобы надрать его дерзкую задницу, однако это показалось ему слишком простым.

На сундуке у Дарио был замок, и, очевидно, сегодня он не забыл его закрыть, однако Джесс ведь вырос в семье воришек, да еще и талантливых. Он отлично знал, как вскрывать замки, а замок Дарио был самым что ни на есть простым.

Шелковая рубашка Дарио приятно прикасалась к коже. Определенно, это похоже на улучшенную версию гардероба Джесса. Он также надел чистые штаны, которые оказались ему немного длинноваты, но он заправил их в ботинки. По крайней мере, Дарио не спрятал его обувь.

Затем Джесс взял свой кодекс и прогулочным шагом отправился на завтрак, который проходил в общей комнате и состоял из фруктов и горячего крепкого египетского кофе. Он пришел рано, однако комната уже была заполнена студентами. Скоро в дверь ворвался и Дарио, его волосы до сих пор были мокрыми, а лицо покраснелось. Его рассерженные черные глаза застыли на Джессе, и он направился к нему. С пугающей быстротой.

Джесс в этот самый момент сидел за столом и мирно чистил апельсин.

– Доброе утро, – сказал Джесс. Он не попытался защититься и даже не встал. Дарио набросился на него и схватил его за ворот рубашки, но затем замер и отпустил его, потому что, вероятно, понял, что может испортить свою дорогую одежду.

– Мне следовало догадаться, что деревенщина из сточной канавы вроде тебя рано или поздно стащит у меня что-нибудь.

Джесс бросил счищенную апельсиновую кожуру в тарелку.

– Когда моя одежда снова будет в моем сундуке, я отдам тебе твою, – сказал он. – А пока, как я полагаю, ты желаешь поделиться.

Дарио выругался на испанском и потянулся было к острому ножу, лежащему на столе рядом. Однако Джесс схватил нож первым и демонстративно стукнул им по столешнице.

– Подумай сам, – сказал он, наклоняясь вперед, – кто из нас двоих лучше знает, как этим пользоваться, маленький принц, то есть ты, или деревенщина из сточной канавы? И кого из нас, вероятнее всего, отправят домой после того, как он заплачет?

Халила подошла и успокаивающе положила руку на плечо Дарио.

– Дарио, – сказала она. – Пожалуйста. Нам и так уже многое приходится преодолевать, чтобы здесь выжить. Драться между собой просто глупо.

Дарио повернул голову и сердито на нее посмотрел.

– Ты что, назвала меня глупым? – спросил он.

– Да, – ответила она совершенно спокойно. – А теперь прекращай это.

Дарио моргнул, и на его высоком лбу собралась недовольная морщинка, а затем исчезла, и на его лице засветилось беспристрастное благородство. Он вежливо поклонился Халиле.

– Ради тебя, дорогой цветочек, – сказал он, – все, что пожелаешь.

Халила одарила его загадочным взглядом, а затем взяла со стола булочку и отправилась в самый дальний угол комнаты, где демонстративно открыла свой бланк и начала читать.

Джесс убрал руку с ножа и продолжил высвобождать апельсин из толстенной кожуры. Ему хотелось поиздеваться над Дарио, однако он понимал, что это неразумно. Он видел,

как Томас безмолвно умолял его не играть с огнем, и, разумеется, Томас был прав.

Очередной урок с профессором Вульфом проходил в классе – в обычном большом классе с узкими окнами, партами, стульями и огромным пустым бланком, висевшим на стене, где Вульф мог писать что-либо при необходимости. Профессор, однако, ничего не писал. На протяжении четырех часов он неустанно задавал новые и новые вопросы, которые варьировались по темам, начиная с истории и заканчивая географией (Джессу не удалось запомнить местонахождения всех дочерних библиотек, однако этот вопрос застал врасплох еще трех других студентов), и среди них был даже один о том, как правильно пользоваться кодексом, чтобы проводить сложные исследования.

Все устали и со страхом ждали очередную лотерею с номерками, когда Халила внезапно сказала:

– А вы не расскажете нам о Железной башне, профессор Вульф?

На миг все в классе замерли, а потом профессор Вульф медленно повернулся к ней. Выражение его лица заставило мурашки бежать у Джесса по спине, страшно было представить даже, каково это – находиться под прицелом этого взгляда.

– Прошу прощения?

– Железная башня? – повторила Халила уже менее уверенным тоном. Некий мрак клубился в темных зрачках про-

фессора Вульфа, когда он продолжил смотреть на нее, точно он что-то пытался мысленно вычислить и понять, что она имеет в виду, задавая этот вопрос.

– Что ж, если вы желаете знать о Железной башне, – сказал он наконец, – да будет так. Расскажите, что вы о ней знаете, кандидат Шрайбер.

Это прозвучало неожиданно, однако не особо смутило Томаса. На самом деле даже казалось, будто он даже рад ответить.

– Башня была построена инженером Артифекса в тысяча семьсот восемьдесят девятом году, специально для работы скрывателей того времени. Она была сделана из редкого сплава железа, который удивительным образом не ржавеет – Железный столп в Дели сделан из такого же сплава, и процесс его изготовления изучался на протяжении...

– Увлекательная история, я уверен, – прервал его Вульф скужающим голосом. – Однако я спрашивал о том, кто находится в этой башне, так что давайте на время забудем о ее чудесном дизайне.

Томас говорил уверенно, когда рассказывал о конструкции и инженерной составляющей, касающейся башни, а теперь его спокойствие испарилось. Джесс видел, как Томас сомневается, прежде чем переспросить.

– Вы имеете в виду скрывателей?

– Скрыватели – верный ответ, хотя не полный, – согласился профессор Вульф. – Поясните.

– Они... поддерживают работу библиотечной системы кодексов.

– Как?

– Сэр?

– Кандидат Сеиф желает обсудить скрывателей, поэтому мы будем это делать. Можете ли вы объяснить, каким именно образом происходит отзеркаливание информации между бланками на такие далекие расстояния? Описать точный механизм?

– Я... – Томас сглотнул. – Не могу, профессор.

– Тогда чем еще они оснащают Библиотеку?

– Они... оснащают библиотеку энергией, необходимой для работы автоматизированных статуй, которые охраняют серапеумы?

Профессор Вульф подождал пару секунд, дожидаясь, пока слова Томаса растворятся в полной тишине, а затем медленно прошел по кабинету и, выглянув в окно, взглянул на Железную башню и задумчиво сложил руки за спиной.

– Пожар, уничтоживший серапеум в городе Рей, который мы обсуждали на первом уроке, все изменил, – сказал он. – До этого инцидента алхимики работали втайне и поодиночке, после же они объединились. Их открытия привели к «Доктрине об отзеркаливании», однако они выяснили еще кое-что любопытное: алхимический успех зависел не только от смешанных в нужных пропорциях веществ и снадобий и от момента, когда те были смешаны, как все полагали до

этого. Подобные формулы оказывались действенны в руках одних, но не срабатывали в руках других, потому что не все обладали искрой – талантом, который объединял формулу и настоящую силу.

– И эти люди стали скрывателями, – сказала Халила.

– Самыми значимыми фигурами в мире. – Профессор Вульф внезапно развернулся и подошел прямо к ней, и Джесс заметил краем глаза, как она вздрогнула, точно ей хотелось отстраниться. Было просто невероятно то, что Халила заставила себя не сдвинуться с места, и Джесс не был уверен, что смог бы сделать то же самое, окажись он на ее месте.

– Никогда больше не спрашивайте про скрывателей, кандидат Сеиф. Ваше любопытство не будет вознаграждено.

Халила секунду колебалась, но потом – к удивлению Джесса – она подняла голову и с уверенностью встретила взгляд Вульфа. А затем заговорила, и в ее голосе едва ли слышалась тревога:

– При всем моем величайшем уважении к вам, профессор Вульф, но я спрашиваю не из-за простого любопытства, а из-за необходимости как следует разобраться с обязанностями библиотекаря. Библиотекари дают указания, помогают, проводят исследования, развивают, создают... а также защищают, разве не так?

– Именно так. К чему вы клоните?

– Вы сказали, что скрыватели – самые значимые фигуры, – сказала Халила. – Не значит ли это, что они также – наша

самая значимая слабость?

В этот момент по классу прокатилась волна изумленных охов, потому что подобный вопрос прозвучал как величайшая наглость.

Точно мятеж.

Профессор Вульф сделал шаг назад, не моргая. Улыбнулся. Странно было видеть его улыбающимся, это казалось противоестественно и почти что страшно.

– Объясните, – сказал он.

– На должности во всех других сферах Библиотеки – медицине, инженерии, истории, языках – мы имеем право претендовать. Однако алхимии нельзя просто научиться, как всему остальному. Никто из нас не может стать скривателем, потому что они с рождения обладают особым даром. И это редкость, – продолжала Халила. Дрожь в ее голосе была теперь почти очевидной, и она сделала паузу, чтобы успокоиться. – Если нам нужно их защищать, нам следует это знать.

– Если вы станете старшим профессором, то получите доступ к подобным знаниями, – сказал ей профессор Вульф. – А пока же данный вопрос лишь тратит ваше время. Скриватели занимаются своей работой в уединении и под защитой Железной башни. Это все, что вам необходимо сейчас знать.

– Однако без них невозможно будет добавить новый документ в архивы, разве не так? Без них автоматизированные статуи, которые охраняют наши дочерние библиотеки, не получат искру жизненной силы. Без них...

Халила выглядела так, словно внезапно смелость в ней закончилась, и ее голос стих.

Джесс закончил за нее.

– Без них кодекс не будет работать, – сказал он. – А если кодекс перестанет работать, Библиотека падет.

Это привлекло внимание Вульфа. Джесс тут же пожалел о том, что рискнул раскрыть рот. Воздух в кабинете стал жарким и неподвижным, и, когда Джесс стиснул зубы, чтобы не задрожать под тяжестью взгляда Вульфа, у него буквально свело челюсти.

Однако профессор Вульф не отвернулся.

– Помните, – сказал Вульф. Его голос прозвучал мягко, почти что ласково. – Даже здесь вы можете задавать ложные вопросы и озвучивать ложные истины, кандидаты. На этом закончим сегодняшний урок. *Tota est scientia.*

Все пробормотали эти слова в ответ, когда он развернулся и вышел из класса, и шепот их голосов смешался с шорохом подола его черной мантии, тянущейся по каменному полу за ним. И наконец, когда дверь за ним закрылась, Джесс с облегчением выдохнул.

– *Scheisse*⁷, Джесс, – сказал Томас. – Он что, только что тебе угрожал?

Халила смотрела на него с беспокойством, а ее лицо выглядело немного бледнее, чем обычно.

– Прости, – сказала она. – Я не хотела...

⁷ Вот блин (*нем.*).

– Забудь, – ответил Джесс и взял свой кодекс со стола. – Это был хороший вопрос.

Снаружи их снова ждал солдат, сопровождавший профессора Вульфа, со своей чашкой номерков. Джесс, не задумываясь, вытащил один.

Мужчина забрал у него номерок и сунул обратно, одарив Джесса неожиданно дружелюбной ухмылкой.

– Тебе не надо, – сказал он. – Проходи.

И тут Джесса охватил почему-то еще больший ужас.

* * *

Каким-то чудом в сегодняшней лотерее никто не вытянул несчастливый номер. Когда все вернулись в дом Птолемея, солнце уже село и все вспотели от усталости. Джесс стоял под душем почти что целый час, раздумывая над тем, удастся ли ему пережить это сводящее с ума обучение, и самое главное – стоит ли ему гнаться за победой.

Когда Джесс наконец вышел из душа, его исчезнувшая одежда была на месте. Перепачканная в земле и песке, но на месте. Стоит признать, Джесс не просил Дарио вернуть его вещи в том же чистом состоянии, в каком они были до исчезновения. Джесс молча стряхнул большую часть грязи со своих рубашки и штанов, оделся, а затем задумался о том, стоит ли отомстить Дарио посерьезнее. Его брат определенно бы не отступил, пока все не дошло бы до драки на ножах

и один из них не оказался бы лежащим мертвым на полу.

Джесс, однако, был не своим братом. И по этой причине он решил просто обо всем забыть. В конце концов, Дарио ведь выполнил свою часть сделки... добавив в нее еще одну жалкую попытку отомстить, однако грязь особо Джесса не беспокоила. В этом состояло преимущество детей, выросших на улицах. Джесс даже записал пару вежливых комментариев о своем соседе по комнате в свой личный журнал тем же вечером просто потому, что верил, что рано или поздно они найдут общий язык.

Этот вывод оказался поспешным, как понял Джесс на следующее утро, когда Дарио нагло его разбудил.

– Где он? – прорычал Дарио. Джесс моргнул, отгоняя сон, и попытался сесть. Дарио пихнул его обратно. – Сейчас же, грязнуля!

– Да что?

Дарио накинулся на него, и Джесс, инстинктивно защищаясь, ударил Дарио в лицо локтем и подскочил на ноги, готовый к драке секундой спустя, когда его противник отшатнулся. Дарио, однако, тяжело рухнув на задницу, остался сидеть, тяжело дыша и схватившись за свой нос. Но его нос не был сломан. Даже кровь не пошла.

– Я тебя убью, – проворчал Дарио. Это прозвучало спокойно, и Джесс правда поверил, что это не шутка.

– За что? – спросил Джесс. – Не считая общих причин? Что, по-твоему, я сделал?

– Мой кодекс, – сказал Дарио. – Ты забрал его, чтобы мне отомстить. Отдай обратно.

Это было серьезным обвинением. Украсть чей-то кодекс – отнять доступ к библиотеке, и даже при обычных обстоятельствах подобное было бы жестоко. А в ситуации, когда уроки профессора Вульфа заканчивались отчислениями каждый день, это была катастрофа.

– Я не брал его, – сказал Джесс и протянул руку. Дарио уставился на него на мгновение, затем принял предложение и позволил Джессу поднять его на ноги. – Я могу сделать много чего. Подумывал о том, чтобы отправить все твои вещи в Барселону, если уж быть совсем честным, и заставить тебя умолять меня вернуть их. Но такого я бы ни за что не сделал, я не брал твой кодекс.

– К сожалению, я тебе верю, – сказал Дарио. – Но признай, тебя стоило бы заподозрить в первую очередь.

– Я польщен. Где ты его оставил?

– Что, теперь будешь играть роль моей мамочки и скажешь, что мне стоило лучше следить за своими вещами? ¡Vete al diablo!⁸ Он был здесь. На моем столе. А теперь его нет.

Джесс подошел к двери. Та с легкостью распахнулась.

– Я запираю дверь. Кто-то ее открыл.

– Я... наверно, это сделал, когда пришел, – нехотя признался Дарио.

⁸ Иди к черту! (исп.)

– Оставил ее открытой?

Дарио пожал плечами.

– Может... и оставил. Я выпил. Но я не терял свой кодекс.

Я никогда не напиваюсь *настолько*.

– Просто купи новый. Ты же не бедный, у тебя есть деньги.

– Этот кодекс подарил мне отец, – сказал Дарио. И отвернулся. – Когда мне было десять. Это был последний подарок, который я получил от него. Мне нужно его вернуть.

Джесс набрал в легкие воздух, а затем выдохнул.

– Ладно. Давай поищем, – сказал он. – На случай если ты все же выпил лишнего.

Джесс осматривал ворох одеял на кровати, когда Дарио, стоявший у своего стола, сказал:

– Думаю, я понял, что произошло. – Его голос прозвучал странно. Когда Джесс подошел, Дарио протянул ему клочок бумаги с написанной от руки запиской:

Ты тычешь своими деньгами, статусом и привилегиями нам в лица и считаешь, что мы будем улыбаться тебе в ответ и благодарить тебя. С нас достаточно. Сядешь на следующий поезд до дома, и мы вернем тебе кодекс. Останься – и больше его не увидишь.

Без подписи.

– Это не ты написал, – сказал Дарио. – Ты бы сказал все это мне в лицо. – Он опустил на стул у стола, таращась на

рассвет, окрашивающий горизонт оранжевым.

– Над кем еще ты пытался посмеяться здесь?

Дарио пожал плечами и сказал всю правду:

– Над всеми, над каждым по очереди. Я заслужил это, да?

– Да, заслужил. – Не было причин врать ему. – Что ты собираешься делать? Сдаться и уехать?

Дарио сидел молча пару секунд, затем шумно вздохнул и сказал:

– Это просто кодекс. Я куплю новый, как ты и сказал. –

Однако, когда он произнес эти слова, что-то потухло в его взгляде. – Оставь меня в покое, грязнуля. – Он достал свой личный журнал с ручкой. Джесс отлично понимал этот импульс, это желание высказаться и выразить эмоции с помощью чернил там, где никто о них не узнает.

Джесс не стал, однако, терять возможность первым занять ванную.

Записки

Текст письма, отправленного через кодекс Джессу Брайтвеллу его матерью, Черити Брайтвелл.

Мой дорогой мальчик!

Я молюсь, чтобы это письмо застало тебя в здравии и благополучии в твоей новой прекрасной жизни. Мы с отцом жутко скучаем по тебе каждый день, как скучает по тебе и твой брат, который передает тебе привет и желает удачи. Дела идут хорошо, говорит он и надеется, что однажды тебе удастся тоже принять в них более активное участие.

Твой отец получил место в специальном комитете нашего района по благоустройству города. Лорд Питер Фоксворт пригласил нас на званый ужин вчера, чтобы обсудить вопрос о живых изгородях. Все прошло замечательно, и я знаю, ты был бы рад познакомиться с его очаровательной дочерью Джульеттой. Твой дядя Таддеус ушел в отставку и переехал в загородный дом на севере, сказав нам, что всегда будет рад видеть нас там. Он беспокоится, что Лондон может пасть при наступлении валлийцев, однако мы не верим, что подобное может произойти. Без сомнений, наша армия их остановит.

Я жду не дождусь прекрасных новостей и историй о тво-

их успехах, Джесс. Пожалуйста, пиши и не забывай, что я люблю тебя.

*Целую,
твоя матушка.*

Отдельное письмо от Каллума Брайтвелла, прикрепленное к тому же посланию. Заподозрено в шифровании тайной информации и проверено скрывателями. Признано безопасным.

Привет от твоего старика-отца, мальчик мой. Всегда помни слова Декарта:

«Чтение хорошей книги – это все равно что разговор с хорошим другом из прошлых веков». Используй все возможности, которые дает тебе Великая библиотека, и заставь свою семью тобой гордиться. Все твои родственники, живые и мертвые, рассчитывают на тебя и на то, что ты докажешь свою значимость этому миру. И не забывай о своих братьях. Они очень хотят с тобой снова встретиться.

Глава третья

Когда Джесс получил письмо из дома, он понял, что отец ждет от него исполнения обязанностей. Письмо матери было всего лишь прикрытием.

Отец упомянул Декарта. Цитирование Декарта было секретным кодом, намекающим на срочность, это был наименее любимый отцом философ. Прочтя его письмо, Джесс почувствовал, как у него учащается пульс. «И не забывай о своих братьях»... Брендан и Лиам, однако Джесс знал, что был еще третий ребенок, рожденный после Лиама, но до него с братом. Мертворожденный. Так что это значило, у него было бы три брата. Третьей работой Декарта был труд на тему оптики и преломления света – получается, отец хотел, чтобы Джесс отыскал... что же?

«Ты докажешь свою значимость этому миру» – странная фраза для отца, и Джесс перечитал ее несколько раз, прежде чем понял ее истинное значение. Это была завуалированная цитата. Джесс не мог точно вспомнить, откуда она, однако он не осмелился отправиться в библиотеку и спросить.

Отец хотел, чтобы Джесс отыскал книгу, из которой он взял эту цитату, и доставил ее его *братьям*... Имена именно этих людей отец заставил Джесса заучить перед отправлением в Александрию. Некоторых реальных дальних родственников, но в большинстве случаев – доверенных лиц на чер-

ном рынке.

Отец приказал Джессу найти определенную книгу и передать тем, кто занимается контрабандой книг в Александрии... А использовав цитату Декарта, отец намекнул, что эта работа срочная.

Очень.

Его первое настоящее задание в бизнесе Брайтвеллов.

Джесс думал, что почувствует вдохновение в этот момент, наконец ощутит себя полезным, однако вместо этого ему показалось... что его используют. «Впрочем, это не новость», – сказал он себе. Его семья использовала его с того самого дня, как он достаточно вырос, чтобы быстро бегать. «Ты не обязан это делать, – шепнуло Джессу его подсознание. – Он не сможет теперь тебя наказать. Слишком многое на кону». А если Джесса вообще поймают? Его тогда не просто тут же отчислят. На этот раз он будет не просто одним из тысяч гонцов, носящихся по улицам Лондона. Его узнают. Откроется его имя.

Однако отказывать отцу было не менее опасно.

– Все в порядке?

Джесс вздрогнул и крепче сжал в руках свой кодекс: Томас оказался прямо у него за спиной. Джесс не слышал, как он подошел. Слишком тихо для такого высокого юноши. Джесс закрыл книгу.

– Семейные дела, – сказал он. – Ничего такого.

Томас уселся напротив него на старый диван, который был

для него явно мал. Диван угрожающе скрипнул, его резные ножки дрогнули, однако Томас как будто не обратил на это внимания. Глен, которая сидела на другом конце дивана, тут же подскочила, чтобы уменьшить давление на него, и, как обычно, сердито покосилась на парней. Она отошла к кувшину с водой, стоящему в углу, а затем нашла другое место и села подальше от них. Не считая Глен и компании игравших в кости в углу, общая комната была пуста. Уже слишком поздно, чтобы не спать.

– Семейные послания меня не заставляют так мрачнеть, Джесс, – сказал Томас. – Плохие новости?

Джесс пожал плечами и выдавил из себя улыбку.

– В моей семье вечно плохие новости. Ты не знаешь книгу, в которой есть такие слова: «значимость этому миру»?

– Нет, а что?

Правду Джесс сказать не мог, не осмелился бы. Он снова пожал плечами.

– Да не важно. Просто услышал эту фразу где-то, и она показалась мне знакомой.

– Она из одной из утерянных книг, – неожиданно сказала Глен. Джесс не думал, что она их слышит. – Из пьесы Аристофана, которая сгорела в пожаре в Рей. Я думала, ты у нас в этом эксперт, Брайтвелл.

– Явно не сегодня, – ответил он. – Спасибо. – Он и правда был ей благодарен. Получается, отец хотел, чтобы Джесс нашел утерянную книгу Аристофана, причем срочно, и доста-

вил ее доверенному человеку на черном рынке. Книгу, которая находилась где-то в Александрии.

Где-то в Александрии – это очень неопределенно.

Джесс зевнул, потянулся и закрыл свой кодекс. Томас, который откинулся на спинку дивана и положил голову на подушку, приоткрыл сонные глаза и сказал:

– Идешь спать?

– Да, рассвет приближается, а профессору Вульффу не свойственно милосердие, – сказал Джесс. – Gute Nacht⁹.

– Твой акцент все еще ужасен, знаешь ли.

– Учил меня ты.

Джесс не пошел спать. Он скользнул вверх по лестнице на второй этаж, который в этот поздний час почти что пустовал, из-за того что многих студентов уже отчислили. Он прошел по пути, который изучил заранее, через окно в заднем углу неиспользуемой складской комнаты. Оттуда можно было выпрыгнуть на выступ крыши, а потом спуститься в аллею за домом Птолемея. Даже в такое позднее время улица оказалась многолюдной, а Джесс часто ходил по подобным улицам и знал, как скрыться в толпе.

Он провел большую часть ночи в поисках своих «братьев», которые должны были знать, о какой книге речь и у кого была копия данного трактата: оказалось, что произведение находится в коллекции некоего мужчины по имени Абдул Неджем. Неджем, как сказали Джессу, не хотел прода-

⁹ Спокойной ночи (*нем.*).

вать произведение, ибо то являлось ценным экспонатом его коллекции.

Это не имело значения, потому что у Джесса все равно не было денег, чтобы выкупить книгу. Отец просил книгу *раздобыть*.

Поэтому Джесс ее украл.

Это оказалось просто, однако уже светало, когда Джесс вернулся со свитком к доверенному... Этого человека уже не было, вместо него в темноте Джесса подждал кто-то другой.

Встретить во время задания другое лицо почти всегда – плохой знак. Джесс замер и сделал шаг назад, готовый броситься прочь.

Подждавший его вышел на свет и одарил Джесса натянутой, осторожной улыбкой.

– Привет, братец, – сказал Брендан. – Вижу, ты не потерял сноровку. Это хорошо. Я боялся, что это место может превратить тебя в честного человека.

Брендан подошел и бесцеремонно заключил Джесса в объятия. Джессу сложно это было признать, но ему было приятно увидеть кого-то из семьи.

– Я честен, насколько это возможно, – сказал Джесс. – Что меня вполне устраивает, спасибо. А ты что здесь делаешь?

– Я пришел за этим, – сказал Брендан и указал на изящный футляр для свитка в руках Джесса. – Аристофан, верно? Никогда меня не прельщал, однако мне плевать на личные предпочтения, когда на кону деньги. Сложно было достать?

– Брендан... – Джесс сделал глубокий вдох и покачал головой. – Что ты делаешь *здесь*? В Александрии?

– Уже сказал тебе. За тобой никто не проследил?

– Нет, я не дилетант, и ответь на чертов вопрос!

– Папа хотел, чтобы книга оказалась в руках того, кому он доверяет больше всего, – сказал брат, – а это я, разумеется. К покупателю придется еще добираться, и папа не хотел доверяться кому-либо сомнительному. Даже нашим братьям.

Мысль о том, что Брендан самоуверенной походкой шагает по Александрии и занимается контрабандой книг, вызвала у Джесса тошноту. Заставила его почувствовать себя физически плохо.

– Здесь не просто вешают за подобное, братец. Здесь правят старинные, изощренные традиции, и люди умирают в муках. Пусть другие рискуют – за этот папа им и платит!

– Папа приказал, чтобы я сделал все лично, – сказал Брендан. – Я отлично знаю, чем занимаюсь, спасибо за беспокойство.

– Я... – «Я на самом деле беспокоюсь», – хотел сказать Джесс, и это было правдой, однако он знал, что оба они почувствуют себя неловко, если он произнесет подобные слова. – Если тебя здесь поймают, то и меня тоже. Ты знаешь это. У нас одно лицо.

Брендан снова улыбнулся, показав на этот раз зубы.

– Ну что ж, мы не можем себе позволить, чтобы мои мучительные пытки и смерть привели к твоему отчислению, прав-

да же? Не волнуйся, братик. Со мной все будет в порядке. Возвращайся в свою школу, пока там не заметили твоего отсутствия.

– Брендан...

– По крайней мере, ты не называешь меня теперь Малявкой. Я уж думал, мне придется однажды силой выбить из тебя эту привычку. – Его улыбка исчезла, и брат стал будто наполовину незнакомцем. Кем-то, кого Джесс любил, но кому не был уверен, что может доверять. – Я передам отцу, что ты его любишь.

Это было сказано с сарказмом, а потом брат исчез, скользнув за потайную дверь в задней стене пустого магазинчика. Джесс остался один, надеясь лишь на то, что, когда он встретит своего близнеца в следующий раз, Брендан не окажется при смерти. Или уже мертвым.

Джесс вернулся в дом Птолемея как раз в тот момент, когда зазвенел звонок, приглашающий всех на новую встречу с профессором Вульфом.

– Ты выглядишь ужасно, – сказал Томас, когда Джесс вышел в общую комнату, к столу с кофе. – Плохая ночь?

«Мягко говоря», – подумал Джесс.

Произведение Аристофана было ценным, однако отправлять на задание Брендана было глупо. Безрассудно. Джесс задумался о том, почему отец принял подобное решение... а потом о том, было ли это вообще идеей отца.

– Это невозможно! – воскликнула Идзуми на следующее утро, когда кодексы у всех студентов вдруг замигали и завибрировали. Джесс открыл свой, чтобы прочесть послание от профессора Вульфа. – Мы так мало спим, он так много требует, за что? Теперь еще и это?

– Что? – спросил ее Джесс. – У меня написано «Идите в класс». А у тебя?

Она зло сжала губы, они превратились в прямую линию.

– Он хочет, чтобы я пошла в Отдел медицины, – сказала Идзуми. – У меня будет тренинг на полдня, *дополнительно* к классному обучению.

Джесс посмотрел на собравшихся в общей комнате.

– Еще кто-нибудь получил подобные инструкции? – Половина студентов подняли руки, включая Томаса. – А тебя куда отправляют?

– Артифекс, – сказал Томас. Он пытался скрыть радость, но, как обычно, у него это плохо получалось. – Я буду изучать технологию изготовления чертежей.

У остальных были такие же инструкции. Похоже, профессор Вульф заметил, кто в какой области силен и может развиваться. Халила должна была отправиться на встречу с другим профессором, который занимался высшей математикой и изучал небесные светила. Дарио предстояло заняться ис-

торией, и он выглядел довольным. Глен, что неудивительно, отправляли в элитный полк Библиотечной охраны.

Джесс же не получил особых указаний. Это вызвало у него тревогу, как будто профессор Вульф забыл о нем. «Хорош во всем, но на деле ничего не умеет» – еще одна любимая поговорка Брайтвеллов. Джесс всегда думал, что если он будет много знать, то у него будет преимущество.

А теперь он чувствовал себя ни на что не годным.

Занятие в классе, однако, оказалось любопытным – и индивидуальным. Им сказали ждать в кабинете и почитать о том, как устроена внутренняя иерархия Библиотеки. Эта информация отскакивала у Джесса от зубов, и он мог бы рассказать все, даже если бы его разбудили посреди ночи. Затем каждого по очереди приглашали в смежную с классом, меньшую по размеру комнату, где сидел сам профессор Вульф. Когда наступила очередь Джесса, ему казалось, что это будет решающим моментом: он либо впечатлит профессора сегодня, либо его отправят домой.

Джесс был шестым в рейтинге класса, и оставаться шестым ему не удастся, если он каким-либо образом себя не проявит.

– Садись, – сказал ему профессор Вульф и кивком указал на простую деревянную парту со стулом посреди кабинета, на которой стояла коробка. – Ты хорошо знаешь теорию перевода?

– Да, сэр. Это подраздел отзеркаливания, однако вместо

создания копии там на самом деле перемещают произведение в другое место.

– Упрощенно, но все же верно, – согласился Вульф. – Часть работы библиотекаря заключается в том, чтобы найти оригинальные произведения независимо от того, личный это журнал, сданный после смерти его владельца, или же новый открытый материал, когда его необходимо добавить в коллекцию библиотеки. Я полагаю, ты понимаешь, как это происходит.

Значит, это очередной тест.

– В теории, – сказал Джесс. – Я никогда этого не делал.

– Ты сделаешь это сейчас, – ответил Вульф. – Открой коробку.

Джесс поднялся и снял крышку с коробки, которая стояла на парте перед ним. Внутри оказалась стопка томов – двадцать, если не больше. Оригинальные произведения. Знакомый запах книг. Джесс взял верхнюю из стопки, затем посмотрел на профессора Вульфа, который прислонился к стене, сложив на груди руки.

Вульф вскинул свои темные брови.

– Не жди указаний, кандидат, – сказал он. – Ты сказал, что знаешь, как это делается. Загляни в ящик стола.

Джесс выдвинул ящик и нашел в нем грудку скрепок. Простых, на пружинах, с символом Библиотеки, оттиснутым сверху на каждой. Они ничем не отличались от тех, которыми пользовались офисные работники для работы с бумага-

ми. Обыкновенные.

Джесс взял одну скрепку и положил рядом с книгой, но все мысли тут же вылетели у него из головы. «Мне нужно положить скрепку рядом? Или...»

– Я жду, Брайтвелл.

Он что-то забыл, но забытое всплыло в его сознании в ту же секунду. Джесс достал свой кодекс из кармана и положил на стол, открыл и... опять начал сомневаться. Нужно сначала использовать скрепку? Или кодекс? Или... «Прекрати волноваться из-за каждой детали, – приказал себе Джесс. – Ты отлично знаешь, что делать. Вульф сказал тебе уже достаточно. Просто берись за дело».

Джесс взял скрепку и осторожно прикрепил к обложке книги, затем открыл книгу, чтобы взглянуть на название на первой странице. Узнав название, он открыл свой кодекс. Данная книга уже была в списке. Джесс взял книгу в руки и кликнул по библиотечному символу на своем браслете кандидата. Символ загорелся бледным светом изнутри. А затем замерцал.

– Тебе лучше сесть, – сказал Вульф. Джесс сел. Он все еще держал книгу в руках, глядя, как мерцание становится все ярче. У него появилось странное ощущение в голове, как будто легкие помехи. – И лучше положить книгу на стол, если, конечно, не хочешь лишиться руки.

Джесс тут же положил книгу. Мерцание становилось все ярче, а потом... вдруг вспыхнул красный свет. Джесс бук-

важно слышал, как движется вокруг воздух, как раздался странный щелчок, который скорее прозвучал в голове Джесса, чем в классе, а затем на столе стало пусто.

Книга исчезла.

– Поздравляю, – сказал профессор Вульф, – ты только что успешно отправил книгу в архив. А теперь повтори. Побыстрее на этот раз.

Джесс повторил. На этот раз сомнений не было. Он легко справился: скрепка, кодекс, стол, щелчок, исчезновение.

Профессор Вульф ничего не сказал. Джесс опять потянулся к коробке и сделал еще три удачные попытки, одну за другой. Названия последней книги не было в списке кодекса, поэтому пришлось потратить время на то, чтобы достать свой стилус и осторожно вписать название и автора на пустую страницу, прежде чем отправлять книгу.

– Хватит, – сказал наконец Вульф, когда Джесс потянулся за новой книгой. Профессор нахмурился. – Думаю, этого достаточно.

– Спасибо, сэр, – сказал Джесс и поднялся. Он чувствовал себя странно, голова закружилась на миг, однако Джесс заставил себя стоять ровно. В животе у него заурчало.

– Твои ощущения вызваны потерей энергии, необходимой для алхимического переноса скрывателей. Метки работают по тому же принципу, что и кодекс, который существует одновременно здесь и в архиве. Обращаясь к сущности объекта, скрыватели могут перемещать книги в физическом пла-

не из одного места в другое. Ты же выступаешь топливом. – Вульф продолжал внимательно глядеть на Джесса.

– Я могу идти, сэр?

– Да, – кивнул профессор Вульф. – Позови следующим Дантона. Ни с кем выполненное задание не обсуждай.

Это, подумал Джесс, было самым простым заданием из всех, которые ему до сих пор приходилось здесь выполнять, и он немного приободрился от мысли о том, что сделал нечто, из-за чего Вульф начал смотреть на него с искренним интересом. В этот вечер он записал в своем журнале: «Думаю, я наконец нашел свое место».

И разумеется, ошибся.

* * *

На следующее утро, когда все получили назначения в своих кодексах, Джессу снова не дали никакого индивидуально-го задания. Это казалось ужасно несправедливым, особенно учитывая то, что теперь остались всего четверо студентов без специальности.

– От этого никакого толка на самом деле, – сказал ему уже вечером Томас, когда все снова собрались в общей комнате. – Я благодаря индивидуальным занятиям понял только то, что я знаю очень мало. И, похоже, сколько бы всего мы ни выучили, профессор Вульф всегда в конечном итоге будет знать больше. – Он пытался приободрить Джесса, что

было очень великодушно с его стороны, однако попытка не сработала. Джесс оставался в ужасном расположении духа. – Это только дает нам больше шансов доказать свою некомпетентность, ja?¹⁰ Так что, может, и к лучшему, что ты в этом не участвуешь. Повезет, если вообще кто-то из нас получит работу.

– Говори за себя, – сказал Дарио, сидевший неподалеку от них у камина. – Я намереваюсь получить золотой браслет и в один прекрасный день занять должность великого профессора-историка. А если ты думаешь иначе, Шрайбер, лучше тебе уберечь себя от разочарований и отправиться домой в свои земли... капусты, верно? Ее же у вас там любят?

Томас, занятый часами, которые он разобрал и разложил части перед собой для изучения, вопрос проигнорировал. Его большущие руки с удивительной точностью работали с мелкими деталями, пока он переставлял и чистил винтики. Дарио же играл в кости с одним из своих дружков, с Халлемом, а другой его приятель, Портеро, наблюдал за их игрой.

Джесс, несмотря на свое плохое настроение, согласился поиграть в стратегическую игру в красные и белые камешки с Халилой. Он уже выяснил, что лучше не играть с ней в шахматы: она всегда его обыгрывала, – ее же навыки игры в Го пока не были столь хороши. Тут Джесс порой выигрывал, что поднимало ему немного настроение. Остальные его сокурсники разбились на группы и разошлись по ком-

¹⁰ Да? (нем.)

нате. Некоторые напряженно учились, другие пытались забыть свои страхи за играми или просто дремали в стареньких креслах. Джессу было интересно, что задумал Дарио. Ему не понравился расчетливый взгляд своего соседа по комнате.

– Ты не следишь за игрой, – возмутилась Халила, и Джесс снова перевел глаза на игральную доску. Он и правда был не особо внимателен, и ей почти удалось загнать Джесса в угол. Джесс сделал ответный ход и чуть не рассмеялся, когда Халила резко помрачнела. Если бы она обладала размерами и темпераментом Глен, Джесс, пожалуй, даже бы испугался, однако Халила, план которой он расстроил, выглядела не более грозно, чем рычащий щенок. – Не следовало мне вести себя честно и предупреждать тебя, полагаю.

– Не следовало, если ты хотела выиграть, – согласился Джесс.

– Мне нравится выигрывать. – Халила улыбнулась, недовольство тут же стерлось с ее лица, и Джесс понял, почему Дарио постоянно на них косился. Дарио *не* нравилось, когда Халила улыбалась кому-либо другому. «Ревнует, – подумал Джесс. – Но это может быть мне на пользу». У Дарио было мало слабостей, не считая его убеждения в том, что он благороднее и выше по статусу всех остальных. И Халила могла оказаться его слабостью.

В следующий же миг Джессу стало стыдно от этой мысли, и он сконцентрировал все внимание на игровой доске перед ним. Всего за шесть шагов он загнал Халилу в угол, и

она приняла поражение с достоинством.

– В следующий раз мы будем играть в шахматы, – сказала она.

– Не используй свои сильные стороны, – заметил Джесс. – Усиливай свои слабые.

Когда он указал на доску, безмолвно предлагая сыграть еще партию, Халила покачала головой и ответила:

– Нет, мне нужно еще выполнить задание для профессора Чжао. – Как только она это произнесла, Джесс заметил винноватый огонек в ее глазах. У нее были дополнительные занятия, и она не хотела напоминать об этом Джессу. – Прости.

– Может, Брайтвелл не просто глупый. Может, он заплатил профессору Вульффу, и поэтому ему не дают дополнительную нагрузку, – сказал Портеро, подкидывая свои игральные кости. Он занял место Халлема и теперь играл с Дарио. – Хотя я сомневаюсь, что у трубочиста вроде него найдется хотя бы пара римлян в кармане. – Официальная местная валюта называлась «гинеи», однако все называли их римлянами, потому что на монетах был изображен профиль Юлия Цезаря.

– Может, у него другая служба, – сказал Дарио. – Ты уже закончил подлизываться к достопочтенной заднице профессора Вульфа или всего лишь взял время передохнуть? – Голос Дарио прозвучал резко, и Джесс понял почему. Ведь он видел Дарио в момент слабости, когда пропал его кодекс. С тех пор они едва ли обменялись парой фраз, если не считать

такие вот перебранки сквозь зубы.

Халила недовольно посмотрела на Дарио нахмурившись, а Томас громко уронил на стол гаечный ключ.

Джесс налил себе бокал вина из графина, стоявшего на столике, и сказал:

– Прости, я что, влез без очереди, когда был твой черед?
Улыбка Дарио походила на оскал дикого зверя.

– Ну правда, Брайтвелл, я не понимаю, почему ты продолжаешь пытаться, – сказал он.

– Дарио, – подала голос Халила, – пожалуйста, замолчи.

Дарио пожал плечами и откинулся на спинку своего кресла, демонстративно раскинув руки. Один из студентов проходил в этот момент мимо и задел его локтем, что, разумеется, тут же привлекло внимание Дарио. Паренек, которому не посчастливилось, был молчаливым малым, бледный с волосами льняного цвета и глазами скорее серебристыми, чем голубыми. Из Америки, как помнил Джесс, однако у него было очень французское имя.

– Прошу прощения, – сказал паренек и отошел.

– Дантон, верно? Ты родственник известного французского поджигателя, – вспомнил Дарио.

– Я американец.

– Нет, ты жалкий французский эмигрант. Ты собираешься в Париж на суд? Посмотреть, как они обезглавят поджигателя?

Выражение лица Дантона было непроницаемым, однако

язык тела его выдавал. Он замер.

– Я никогда не был в Париже.

– Жаль, очень познавательно. Исторический момент. А что, ты слабак и не можешь вынести вида чьей-то отрубленной головы?

– Дарио, – подала голос Глен и захлопнула книгу, которую читала. – Оставь его в покое. В один прекрасный день кто-нибудь тоже преподаст тебе урок, который станет историческим моментом для тебя. Будет больно.

– Все в порядке, – сказал Дантон. Его голос прозвучал уверенно и спокойно, каким было и выражение его лица.

– Это все знают. Не нужно долго думать, чтобы догадаться. Хотя ничего удивительного, господин Сантьяго никогда особо не напрягается и едва ли думает.

– Я лишь озвучил очевидный факт. Кровь поджигателей течет в жилах твоей семьи, – сказал Дарио. – Я уверен, за тобой пристально следят, Гийом. Уже начал нервничать?

– Может, это ты нервничаешь, – сказал Джесс. – На каком месте в классном рейтинге ты сейчас, Дарио? Десятый?

– А ты? В моей тени. Как обычно.

– Рейтинг меняется. Я бегаю на дальние дистанции, не люблю торопиться.

– Да, разумеется, ты мог бы быть бегуном, – сказал Дарио, и у Джесса все похолодело внутри. Дарио имел возможность и средства разузнать многое, а также обожал любую грязь и мог отрыть что-то на каждого из них... Однако Джесс сно-

ва расслабился, когда Дарио продолжил: – Ты мог бы быть бегуном, потому что слишком слаб, чтобы сражаться, как джентльмен.

– Твоя версия джентльменского сражения подразумевает удар ножом в спину, так что нет, я не сражаюсь, как джентльмен, – сказал Джесс. – Я сражаюсь, чтобы побеждать. Хочешь сыграть? – Он указал на игральную доску Го, вскинув брови. Дарио поднялся из-за стола с игральными костями и одарил Джесса долгим, задумчивым взглядом, а затем опять пожал плечами.

– Почему бы и нет. Портеро все равно уже почти все деньги проиграл.

– Нет, не проиграл! – попытался возмутиться Портеро, но его слова все проигнорировали. Дантон, о котором все забыли, тут же поспешил скрыться в дальнем конце комнаты, где сел рядом с Глен. Дарио потянулся, подошел и сел в кресло напротив Джесса... все это время не сводя с него внимательного, оценивающего взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.